

БРАЙАН НАСЛУНД

ЯРОСТЬ ДЕМОНА

18+

ДРАКОНЫ ТЕРРЫ

Книга 3

Звезды новой фэнтези

Брайан Наслунд

Ярость демона

«Азбука-Аттикус»

2021

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

Наслунд Б.

Ярость демона / Б. Наслунд — «Азбука-Аттикус»,
2021 — (Звезды новой фэнтези)

ISBN 978-5-389-22345-5

Продолжая изыскания, некогда им начатые на острове Призрачных Мотыльков, Озирис Вард, королевский инженер Баларии, добивается, казалось бы, невозможного: построив из драконьих костей целый воздушный флот, подчиняет своей воле все остальные державы Терры. Непокоренной остается только провинция Дайновая Пуща – непроходимая для чужаков чащоба, где Воинство Ягуаров (лучшие солдаты Терры) стойко отражает атаки высаживаемых неболётами наемников-Змиерубов и созданных Вардом суперсолдат-аколитов. Тем временем Эшлин Мальграв, прозванная королевой-ведьмой, и ее спутник Бершад Безупречный, лучший драконьер всей Терры, пытаются противопоставить могуществу Варда ту силу, что скрыта в драконьей нити – редчайшем нервном волокне, извлеченном из позвоночника дракона породы призрачный мотылек... Впервые на русском – новое продолжение «возможно, лучшего дебюта в жанре темной фэнтези со времен „Ведьмака“ Сапковского» (Grimdark Magazine).

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445

ISBN 978-5-389-22345-5

© Наслунд Б., 2021
© Азбука-Аттикус, 2021

Содержание

Часть I	6
1. Боец Ригар	6
2. Вира	17
3. Бершад	23
4. Эшлин	39
5. Кочан	42
6. Вира	46
7. Боец Ригар	56
8. Кочан	58
9. Кастор	68
10. Вира	77
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Брайан Наслунд

Ярость демона

Brian Naslund
Fury of a Demon

© 2021 by Brian Naslund

© П. Александров, А. А. Дамбис, перевод, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Азбука®

* * *

Посвящается моим брату и сестре

Часть I

У истинного прогресса есть цена. Заплатить ее готовы лишь немногие.

Озирис Вард

1. Боец Ригар

Дайновская пуща, второй сектор

За час до темноты разведчики Змиерубов обнаружили глиняных божков. Лейтенант Дролл приказал всем остановиться.

Наемники столпились вокруг торчащих из земли болванчиков, уродливых, как крохотные демоны. Их было штук пятьдесят – в страдальческих позах, утыканные всякой мерзкой хренью: выломанными ногтями, осколками раздробленных костей, человеческими глазными яблоками.

От жуткого зрелища по коже Ригара побежали мурашки.

– Скоты, – буркнул сержант Гротто. – Ни стыда ни совести.

Да уж, кто бы говорил. После разгрома отряда Змиерубов сержант подрабатывал вышибалой в одном из игорных притонов командира Вергуна и, по слухам, развлекался тем, что голыми руками выдирает пальцы шулерам и мошенникам.

– Совесть-то у них наверняка есть, – сказал лейтенант Дролл, почесывая широкий бакенбард; в невымытых черных космах сквозила проседь. – Просто с оккупантами они не церемонятся.

Гротто презрительно посмотрел на Дролла. Все знали, что они друг друга не выносят. Если кого-то из них не убьют в бою, то они прирежут друг друга.

Ригар отчаянно надеялся, что убитым окажется Гротто. Дролл был строгим командиром и не терпел лентяев, трусов и паникеров, но к своим подчиненным относился справедливо и оберегал их жизнь. Гротто, настоящий злодей, служил в отряде ради крови, насилия и, конечно же, денег. Если попадались враги, он их мучил. Если не попадались, то срывал злобу на своих.

– Может, отправимся к месту эксфильтрации? – спросил новобранец, имени которого Ригар не знал: новичок служил в отряде всего неделю, а Ригар взял за правило не интересоваться, как зовут тех, кто провел в Дайновской пуще меньше месяца.

Поэтому половина бойцов в подразделении были для Ригара безымянными – и, наверное, такими и останутся.

– Что, солдат, боишься глиняных болванчиков? – спросил Гротто.

Новобранец пожал плечами:

– А в них есть колдовская сила? Они что, вызывают лесных чудищ или как?

– Лесных богов, – поправил его кто-то из солдат.

Гротто сплюнул и со вздохом произнес:

– Придурки, оба.

– Нет в них никакой колдовской силы, – вмешался Дролл. – Но то, что вороны еще не выклевали им глаза, говорит о многом. Значит, болванчиков слепили недавно. Так что мы продолжим погоню за теми, кто их слепил, пока всех не зачистим. Переночуем в Фаллоновом Гнезде, там размещен отряд охранников.

– Да ну, фигня, – сказал Гротто. – По-моему, надо...

Он осекся – над ним нависла черная тень.

К подразделению приблизился аколит и замер, возвышаясь над бойцами. Из его черепа торчали рога из драконьей кости, глаза неестественно мерцали оранжевым. Поначалу жуткие лица аколитов скрывались под масками, но последние образцы обходились без них.

На каждом из этих ужасающих созданий красовался идентификационный номер. К подразделению Дролла был приписан боевой аколит 408.

– Что это? – просипел он напряженным голосом, напомнившим Ригару шкварчание мяса на углях.

– Глиняные божки, – почтительно ответил Дролл.

Вообще-то, Змиерубы не выказывали особого почтения командирам. Вергун не требовал, чтобы его бойцы неукоснительно соблюдали субординацию, главное – чтобы они следовали приказам в бою, когда звенела сталь и текла кровь. Однако же сейчас, когда Змиерубы стали наемной армией Озириса Варда, его устрашающие аколиты внушали солдатам просто трепетное почтение.

– Мы решили двинуться в Фаллоново Гнездо, заночевать там, а утром выйти на поиски врага, – продолжил Дролл.

Аколит 408 окинул оранжевым взглядом божков на дороге, растоптал их громадными раздутыми ступнями и зашагал к Фаллонову Гнезду.

Солдаты последовали за ним.

Ригар побаивался аколитов. Эти ужасные создания не только выглядели жутко, но и часто убивали новобранцев, вроде бы без особых причин. Если вдруг кто-то справил нужду в неподходящем месте, то мог лишиться головы. Однако в бою аколитам не было равных. Ригар своими глазами видел, как аколит 408 отправил в последнее плавание три десятка воинов-ягуаров – разорвал их в клочья острыми как бритва шипами, которые выскакивали из костяшек его кулаков.

Это воспоминание мучило Ригара в кошмарных снах.

Спустя час вдаль показалось Фаллоново Гнездо – одно из самых крупных поселений на северной окраине Дайновой пущи.

В сотне шагов от укрепленного частокола все тот же новобранец споткнулся о что-то металлическое.

– Что за хрень?! – выругался он, разглядывая кости, облепленные смятыми пластинами доспеха.

– Дохлый Ягуар, – сказал Ригар.

Новобранец удивленно наморщил лоб:

– Как же это его так?

– А ты не знаешь?

Новобранец помотал головой:

– Не-а. Расскажи.

Ригар облегченно вздохнул, обрадованный возможностью провести ночь не в джунглях, а за прочными стенами, и начал рассказ, хорошо зная, о чем говорит, – ведь он был очевидцем.

– На этом самом месте мы одержали самую большую победу над Воинством Ягуаров. В начале войны Змиерубы захватили поселение и устроили тут передовую базу. Ягуары, которым это не понравилось, решили его отбить – по дурости, конечно, ведь с нами на крепостной стене было еще и двадцать аколитов.

– Неужели аколит так его смял?

– Ну, вообще-то, это тот еще вопрос, – сказал Ригар, покосившись на Дролла.

– Там была колдунья, – сказал Дролл. – Я сам ее видел.

– Колдунья? – переспросил новобранец.

– Да. С Ягуарами была какая-то женщина, без доспехов и без оружия, но она все равно ринулась в бой. Когда со стен прыгнул первый аколит, она произнесла какое-то заклинание,

которое превратило всех, кто носил доспехи, в такие вот смятые железные мячики. Да ты сам посмотри, – Дролл обвел рукой поле, – они здесь повсюду валяются.

– А зачем было такое заклинание, которое жажнуло по своим же? – спросил новобранец.

– Очевидно, в тот раз она лоханулась. Но до атаки на Фаллоново Гнездо поговаривали, что таким заклинанием колдунья потрошила аколитов, будто свежую рыбу на рынке. – Дролл сплюнул. – С тех пор ее никто не видел. Думаю, она наложила на себя руки.

Новобранец посмотрел на Ригара:

– А ты сам ее видел?

– Когда Ягуары напали, я сидел в нужнике. А когда добрался до стены, все уже кончилось. Осталась только дымящаяся воронка и убитые Ягуары. Колдуньи и след простыл.

– Да-да, демоны уволокли ее прямо в ад, она же с ними трахалась, чтобы колдуньей стать, – заявил Дролл, будто втолковывал прописную истину. – А уцелевшие враги сбежали в джунгли. Мы бросились в погоню, но потеряли след у реки.

– А с аколитом-то что случилось? – спросил новобранец.

– С каким?

– Ну, с тем, что со стены прыгнул.

– Его просто оглушило, – сказал Дролл. – Гребаные чары этой стервы не причинили ему особого вреда. На следующий день прилетели эти рохли-инженеры в куртках из драконьей шкуры, увезли его в Незатопимую Гавань. Мы еще неделю проторчали в Фаллоновом Гнезде, но Ягуары сменили позиции, и мы отправились их искать.

– А теперь вернулись, – сказал Ригар. – Не война, а какой-то заколдованный круг.

Пробравшись через смятые останки воинов, разведчики окликнули караульных на стене, чтобы те открыли ворота. Дролл подошел к Ригару и негромко сказал ему:

– В ночь станешь со мной в караул. Я хочу, чтобы после захода солнца на постах стояли только опытные бойцы.

Ригару нравилась эта черта командира: при необходимости он отправит тебя на паршивое задание, но будет выполнять его вместе с тобой.

– Думаешь, здесь что-то нечисто?

– Мы же знаем, что Ягуары этими своими божками нас запугивают. Обычно, если встретишь на дороге такой вот подарочек, это значит, что дикари уже свалили куда-нибудь в соседнюю долину и возвращаться не собираются. Но в этот раз... – задумчиво протянул Дролл, окидывая взглядом холмы. – В этот раз тут пахнет жареным.

Ригар шумно втянул носом воздух, будто принимался:

– А по мне, воняет только грязью, дерьмом и гнилью.

– Ну, одно без другого не обходится.

Несмотря на дурные предчувствия Дролла, за стенами Фаллонова Гнезда Ригар вздохнул с облегчением.

В Дайновой пуще опасность подстерегала повсюду, но после долгих недель патрулирования в джунглях сейчас, под защитой крепких стен и жуткого аколита, Ригар чувствовал себя спокойнее, чем в императорском дворце в Бурз-аль-дуне. Те, кого не отправили в караул, расстелили скатки и, собравшись группками, стали играть в кости, жаловаться на мошкар, на драконов или на то и другое и украдкой прихлебывали из фляжек.

До наступления ночи, то есть до выхода Ригара в караул, оставалось еще несколько часов, поэтому он сбросил сапоги и доспех, а потом какой-то тряпкой стер алую краску с лица. Некоторые Змиерубы круглые сутки ходили в боевом раскрасе, чего Ригар не понимал, – в сырости лесной чащи краска доставляла сплошные неудобства, а вдобавок от нее подбородок и щеки покрывались прыщами.

После этого Ригар по-быстрому осмотрел участки раздраженной кожи. Их было три: черные волдыри на левой ступне, шелушащийся затылок и воспаленная сыпь в паху. Сыпь зверски зудела и чесалась, да и вообще сильно тревожила – мало ли, куда она еще распространится.

Он порылся в котомке, отыскал мазь, полученную у лекаря в Незатопимой Гавани, и смазал все пораженные места. На черные волдыри мазь худо-бедно действовала, а вот остальное... Ладно, вот как отправят назад в Незатопимую Гавань, с этим лекарем придется серьезно поговорить.

К Ригару подошел боец Вистер и с надеждой спросил:

– Ну как, получилось?

– Что? – рассеянно уточнил Ригар, которого больше волновала бесполезная мазь. – А, да, сапоги.

Он вытащил из котомки пару сапог. Они размокли после недавнего патруля в джунглях, и Вистер просил их починить. Солдаты заботились о своей обуви самостоятельно, а в условиях постоянной влажности сапоги быстро разваливались. Несколько месяцев назад Ригар изобрел способ делать их непромокаемыми, смешивая бесполезную противочесоточную мазь с кипяченой мочой. Способ он хранил в секрете и за деньги принимал у товарищей заказы на починку.

– Вот, как новенькие.

Он швырнул сапоги Вистеру, который схватил их с таким восторгом, будто их украсили самоцветами:

– Ух ты! А точно будут непромокаемыми, прям как у Зольника?

– Ага. Гарантия военного сапожника Ригара.

Вистер с улыбкой протянул ему фляжку. Ригар понюхал содержимое и одобрительно хмыкнул:

– Неплохо.

– Лучшая можжевельная водка в Бурз-аль-дуне, – сказал Вистер. – Это тебе.

Ригар кивнул. Может, сам выпьет, а может, продаст через несколько дней, когда опустеют фляжки у остальных бойцов в отряде. Змиерубам хорошо платили, а в лесной чаще хорошей выпивки было мало и она высоко ценилась.

Он по-быстрому сжевал шматок солонины с полусгнившим рисом. Неболёты вот уже почти год старались лишить врага источников продовольствия, но, к сожалению, и у самих Змиерубов пайки были ограничены. Поговаривали, что скоро доставят провизию с плодородных земель Данфара, остававшегося единственной страной в Терре, которую не затронули война и голод. Ригару нравилась пряная данфарская кухня, но покамест он не особо верил слухам.

После ужина он вздремнул, а ближе к ночи его разбудил Дролл, мол, пора в караул. Ригар схватил оружие и отправился на крепостную стену, сменить бойца на посту. Первым делом он окинул взглядом темное поле – не прячется ли где-нибудь враг, но под лунным светом поблескивали лишь смятые доспехи мертвых воинов-ягуаров.

За ночь так ничего и не произошло. Когда наступили серые рассветные сумерки, Ригар не выдержал и ожесточенно зачесался.

– Не дрочи на посту, Ригар, – прозвучал за спиной голос Дролла.

– Да я не дрочу, лейтенант. Просто сыпь замучила.

– Мазь не помогает?

– Не то чтобы очень. – Ригар через силу перестал расчесывать зудящую кожу. – Ох, ради Этерниты, как они живут тут, в этом жутком лесу?

Дролл пожал плечами:

– Нормально живут, наверное. К местным же никакая хворь не пристает, их защищают лесные боги.

– Ха-ха, смешно, – фыркнул Ригар.

Дролл указал на поле и спросил:

– Ну как там?

– Туман и парочка драконов-дуболомов, но они далеко.

Змиерубы прибыли в Альмиру еще до возвращения драконов из Великого перелета. Хорошее было времечко. Впрочем, и тогда в Дайновой пуще было жутко: тысячи ползучих и летучих гадов, способных убить человека одним-единственным укусом. На второй день пребывания в чаще какой-то новобранец нечаянно разостлал скатку над гнездом гигантских ядовитых скорпионов, которые обкусали его с головы до ног. От боли он впал в беспамятство и выпустил себе в лицо арбалетный болт.

Теперь Ригар с тоской вспоминал то время, когда опасаться приходилось лишь скорпионов и кусачих муравьев. В Дайновой пуще драконов было больше, чем крыс в мясной лавке. Только за последнюю неделю в драконьих пастях погибли пятеро товарищей Ригара: три разведчика, которых отправили на поиски драконьих логовищ (это считалось очень опасной работой), а еще двоих накрыло прямо в лагере, когда они шли завтракать.

Как от этого защититься? Без завтрака боец – не боец.

– Не нравится мне это, – сказал Дролл, вглядываясь в туман. – Там могут прятаться Ягуары.

– А правда, что Бершад Безупречный тоже с ними? Ну, про головы же недаром рассказывают.

Две недели назад в четвертом секторе без вести пропали три патрульных отряда. Спустя пять дней в двенадцатом секторе обнаружили груды голов. Еще через несколько дней в пятом секторе нашли уцелевшего бойца, распухшего от комариных укусов. Он рассказал, что Бершад Безупречный и еще какой-то безумец в белом доспехе зверски перебили остальных солдат.

– Да-да, я слышал, – отмахнулся Дролл. – Херня это все. Боец бредил.

– Но...

– Валлен Вергун прикончил Бершада в Таггарстане, – оборвал его Дролл. – Я своими глазами видел.

– А кто же тогда убил императора Баларии? Призрак, что ли?

– Нет, конечно. Но на месте хореллианского гвардейца, по вине которого император отправился в последнее плавание, ты бы тоже наверняка придумал какую-нибудь хреновую побасенку про легендарного Бершада Безупречного.

Выслушав это вполне правдоподобное объяснение, Ригар собрался было с ним согласиться, но тут появился аколит 408. Ригар оцепенел, да и Дролл тоже заметно напрягся. Оба обернулись и отдали честь серокожему великану.

– Докладывай.

– Все чисто. Только туман и ящеры.

Аколит безжизненным взглядом окинул лесные заросли.

– Может, истуканов сделали просто для отвода глаз, – сказал Ригар, отчаянно надеясь, что жуткое страшилище уйдет.

Аколит повернулся к нему:

– Держитесь настороже. И без панибратства.

– Я обхожу периметр и проверяю боевой дух солдат, – сказал Дролл. – Никакого панибратства.

Он не то чтобы заступался за своих бойцов, но Ригар все равно восхитился его смелостью, поскольку аколит был на две головы выше обычного человека и его кулаки мгновенно покрывались острыми костяными шипами. Лейтенант нервно почесывал бакенбард, но не отводил глаз и продолжал стоять на своем.

– Проверяй быстрее, – сказал аколит 408 и спрыгнул со стены во двор.

От такого прыжка коленные чашечки обычного человека разлетелись бы в разные стороны, но великан уверенно зашагал к крепости.

– Как вижу этого гада, так прям яйца скукоживаются, – пробормотал Ригар себе под нос.

– Ну и как, помогает от зуда? – с улыбкой спросил Дролл.

Ригар снова почесал себе пах:

– Здесь ничего и ничему не помогает.

– Тьфу, да ты от зуда вообще в нытика превратился. Лучше подумай, как нам с тобой повезло: Озирис Вард завоевал весь мир, а мы при этом были на его стороне.

– Ну, насчет «повезло» я не уверен. Говорят, все трупы солдат доставляют в башню, которую Озирис Вард построил где-то в чаще, а он там их сначала трахает, а потом начиняет всякими механизмами.

– Да, Озирис тот еще упырь, это все знают. Но ведь и наш командир – самый настоящий людоед, так что...

– А я думал, это просто слухи.

– Увы, не слухи. Однажды Кастор подвыпил, сел играть со мной в кости да и проболтался, что, мол, все это чистая правда. А он точно знает, не зря же второй год ходит у Вергуна в заместителях.

– Но ведь Кастор сам всегда говорит, мол, должны быть какие-то границы. Одно дело – с трупами сношаться, а вот чтобы их жрать...

Дролл пожал плечами:

– Да всюду какая-то хрень. Чем дольше воюешь, тем больше понимаешь, что разбираться, кто хуже, кто лучше, – только время зря терять. Главное – исполнять приказ, убивать всех, кого надо, а если останешься в живых, то и деньжатами разживешься.

Ригару очень хотелось сказать, что мало кто из Змиерубов разделяет мнение Дролла о воинской службе. Большинство считали, что надо убивать и грабить, не дожидаясь приказов. Однако вступать в спор Ригару не хотелось – ночь была долгой, хорошо бы и вздремнуть.

– Против денег я ничего не имею, – пробормотал он.

– Да, на этой войне мы неплохо зарабатываем – и обычное жалованье, и премии за Ягуаров.

Действительно, Змиерубам, в отличие от обычных наемников, платили щедро, а Вергун ввел еще и особые премии за убийство воинов из Дайновой Пущи: за каждую маску Ягуара, убитого в бою, тут же выплачивали сто золотых. Ригар получал такую премию шесть раз – весьма скромное достижение, – но тех его соратников, кто жаждал большей славы, часто разбирали на «украшения» для глиняных божков.

– Очень надеюсь, что смогу это потратить, – буркнул он.

На заработанные деньги он хотел открыть сапожную мастерскую, усовершенствовать пропиточную мазь и шить непромокаемую обувь нормальным инструментом, ведь это проще и прибыльнее, чем охотиться на злобных дикарей в джунглях.

– Если ты так боишься смерти, дай взятку какому-нибудь чиновнику, тебя переведут куда-нибудь, где безопаснее, – с улыбкой посоветовал Дролл. – Например, отправят служить на грузовом неболёте.

– Да они бьются только так, – вздохнул Ригар.

– Ну что за фигня! Еще раз: помни, что тебе повезло. Это приказ, понял?

– Понял, лейтенант, – сказал Ригар.

– Вот и славно. Ладно, пойду я дальше проверять посты, а то вернется наш серокожий начальник и...

Голова Дролла разлетелась на куски.

Кровавые ошметки мозгов и осколки черепа, хлестнув Ригара по лицу, залепили ему глаз.

Тело Дролла повалилось на паранет; кровь из шеи была фонтаном, заливая камни.

Ригар уставился на лес, не понимая, что случилось.

На опушку выскочил человек в белоснежном чешуйчатом доспехе и помчался через поле, на бегу подхватив под мышку смятые в комок останки погибшего воина. Лицо неизвестного закрывал шлем.

Ригар вскинул арбалет и заорал:

– Тревога!

Он нажал на зарядное устройство; арбалет клацнул, болт лег на ложе, тетива натянулась до предела. За эту секунду неизвестный добрался уже до середины поля.

«Этернита, спаси и сохрани!» – подумал Ригар, прицеливаясь.

В детстве он ходил с отцом на охоту в баларские степи. Этот гад бегал быстрее степных шакалов.

Ригар выстрелил прямиком в солнечное сплетение врага. Сразил насмерть. То есть вроде бы сразил.

Болт ударил в нагрудный щиток белого доспеха и разлетелся осколками, как паргосское стекло.

Ригар нажал на спусковой крючок, выпустив очередь тяжелых арбалетных болтов.

Все без толку.

К этому времени на стену взобрались Вистер и Гротто, навели свои многозарядные арбалеты и тоже начали стрелять, осыпая противника болтами, будто шелухой. Неизвестный размахнулся и метнул комок смятых доспехов прямо в грудь Вистеру, который отлетел назад и с чавкающим шлепком приземлился где-то за спиной Ригара.

Человек в белом доспехе вскочил на стену, схватил Гротто за голову и рявкнул:

– Доброе утро!

А потом сжал пальцы.

Кровь брызнула в стороны, залила Ригару глаза. Ничего не видя, он шлепнулся на задницу. Откуда-то снизу послышались крики, потом хлюпающие звуки – разрывалась человеческая плоть. Проморгавшись, он с трудом разглядел человека в белом, который молотил по какому-то Змиерубу его же оторванными руками.

Ригар поднялся и шагнул вперед, чтобы выстрелить из арбалета с близкого расстояния в незащищенный затылок врага, но неизвестный заметил движение и взмахнул оторванной конечностью, как дубинкой.

Ригар пролетел по воздуху и пробил деревянную стену; острые щепки разодрали лицо в клочья.

Он попытался вдохнуть – не смог. Попытался встать – не смог. В третий раз за три минуты он снова ослеп – осколки оцарапали глаза. Он оказался босиком и не сразу понял, что удар вышиб его из сапог.

Ригар часто заморгал, чтобы хоть что-то видеть. Оказалось, он попал в старый сарай, где в углу были свалены мотыги.

Задыхавшись, Ригар прополз по соломе к двери, приоткрыл ее и выглянул в щелку.

Через двор бежали Змиерубы с обнаженными мечами. Слышались крики.

Человек в белом доспехе прыгнул в самый центр двора, отшвырнул руки, выданные у какого-то Змиеруба, и заработал кулаками. Мечи и копья клацали по белым пластинам и отскакивали. Кулаки неизвестного продавливали тела бойцов насквозь, выдирая внутренние органы.

Человек в белом доспехе дрался, как серокожий.

«Кстати, куда подевался аколит 408?» – подумал Ригар.

Меньше чем за минуту неизвестный уничтожил всех бойцов взвода, за исключением Вестли, у которого был новехонький щит из драконьей кости, полученный от Озириса Варда.

Человек в белом доспехе прижал Вестли к стене крепости и замолотил кулаками, оставляя вмятины на драконьей кости, но щит выдержал.

Тут из-за угла стремительно выбежал аколит 408. Из его кулаков высунулись костяные шипы, превратив их в палицы-моргенштерны. Он с размаху ударил неизвестного. Человек в белом доспехе отлетел шагов на тридцать, к внешней стене, выбив из нее две гранитные плиты, и остался лежать. Живой.

Аколит пересек двор и остановился в нескольких шагах от противника.

– Вард предупреждал, что нам могут встретиться старые образцы доспехов. Примитивные, – процедил он.

– Зато надежные, – ответил неизвестный.

– Такая рухлядь мне не страшна. Тебе меня не победить.

– А я и не пытался. Просто хотел тебя отвлечь, чтобы не засматривался на крепостную стену.

Аколит склонил голову набок и оглядел крепость.

Ригар тоже взглянул в ту сторону. На крепостной стене кто-то стоял. Без доспехов, без рубахи, без сапог. В руках человек держал длинное, необычное на вид копьё. Взлохмаченную темную шевелюру трепал ветер.

Человек спрыгнул со стены прямо на аколита 408 и вонзил ему копьё в правый глаз, пригвоздив к земле. Аколит 408 попытался схватить древко, но копыеносец резко вывернул его.

Аколит 408 замер.

Копыеносец был высок и жилист, со встрепанными волосами, недлинными по меркам альмирских мужчин. На щеках виднелись синие прямоугольники татуировок, а левую руку украшали изображения шести десятков драконов.

Бершад Безупречный, ясное дело.

Непонятно, почему Вестли решил, что самое время кинуться в атаку, и с боевым кличем занес меч, прикрываясь щитом.

Резким взмахом копья Бершад разрубил щит пополам и вскрыл Вестли горло, вырезав гортань, которая камешком упала в грязь. Сжимая рану, Вестли осел на землю.

Бершад обернулся к поверженному аколиту 408 и заглянул в пронзенную копьем глазницу, будто в звериную норку.

Человек в белом доспехе снял шлем и встряхнул сальными рыжими патлами.

– Чисто? – спросил он.

– Типа того, – ответил Бершад, осматривая двор, усеянный трупами. – И в общем все гладко прошло. Удачно.

– Кому как, – хмыкнул человек в белом доспехе и со стоном поднялся. – Этот гад расколол мне чешуйки на щитках, а еще ребро сломал. Долго будет заживать, не то что у тебя.

Бершад пожал плечами:

– Ты же сам хотел нахрапом.

– Ну да, – улыбнулся рыжий, поглядев по сторонам. – В прошлый раз ты развлекался в одиночку.

– По-моему, это не развлечение, Симеон.

– Да ты всегда унылый! Не видишь никакой радости. Это же красота.

Симеон подошел к Вестли и оторвал ему голову.

– Ты опять за свое? – спросил Бершад.

– Простая, но впечатляющая боевая тактика. – Симеон шагнул к следующему трупу и тоже оторвал ему голову. – Придут балары, обнаружат безголовые тела, задумаются, куда головы подевались. Начнут искать. Не найдут, снова будут гадать, что случилось: то ли их Ягуары съели, то ли колдовство какое, то ли из черепов стены строят... – Он оторвал еще одну

голову. – А в следующем бою у нас будет превосходство. Потому что мы знаем, куда делись головы, а эти уроды – нет.

– Ты хоть соображаешь, что хрень несешь?

– Вы, равнинный народ, просто не понимаете. В такой войне – на ограниченной территории, с ограниченными ресурсами – просто убивать врагов недостаточно. – Он постучал окровавленным пальцем по виску. – Надо воевать с их рассудком. С их снами.

– А при чем тут оторванные головы?

– Да при том, что сомнения убивают людей, Сайлас. Сомнения и плохая физическая подготовка.

– Нет, людей убивают колющие и режущие предметы. Сомнения просто-напросто не дают спать по ночам.

– Вот именно. Квелых убивать легче.

Бершад пожал плечами, перевернул аколита 408 на живот, вытащил из-за пояса тесак и начал разрубать великану позвоночник – бережно, как мясник, разделяющий тушу, чтобы взять цену повыше.

– Значит, меня ты костеришь за оторванные головы, а сам крошишь серокожих в труху.

– Ты же знаешь, это другое. А головы – просто лишний груз, таскать их за собой я не собираюсь.

– Я их сам понесу. Поддержу себя в форме, потому что...

– ...Недостаток физической подготовки убивает. Ага, слышал.

Симеон оторвал очередную голову, встал и глубоко вздохнул:

– Чуешь? Галамарской кровью пахнет. Она всегда так воняет, с душком. Как лежалое зерно.

Бершад принялся:

– Чую. – Он еще раз втянул в себя воздух. – Кстати, где-то там еще тепленькая.

– Интересно... – с улыбкой протянул Симеон.

Бершад обернулся и посмотрел прямо на Ригара. Зеленые глаза бешено сверкнули.

– Погоди-ка.

В мгновение ока он пересек двор, крепко ухватил Ригара за запястья, выдернул из разрушенного сарая и бросил на землю.

– Как тебя зовут?

– Ри... Ригар. Боец Ригар.

– Откуда родом? – спросил Симеон.

– Из Паргоса.

На самом деле Ригар был родом из Корниша, галамарского городка на границе с Вепревым хребтом, где обитали племена скожитов. Естественно, сейчас не стоило об этом упоминать.

– Правда, что ли? – уточнил Симеон. – Ригар звучит не по-паргосски. У паргосцев все имена и названия мелодичные, Каллукстан какой-нибудь, Аклемель, Моллеван.

– Ну, наверное, я исключение.

Симеон пристально посмотрел на него, потом присел рядом на корточки. Только теперь Ригар увидел, что белый доспех сделан из драконьих чешуек, кое-где смятых и испаранных. Из-под чешуи проглядывали мелкие подвижные пластины, облегавшие тело, как змеиная кожа.

– А ты как считаешь, Сайлас?

– От паргосцев пахнет жасмином и пряностями, – ответил Бершад, – а от этого – пшеницей и страхом.

– Пшеницей? Тыфу, галамарцы и их поганая пшеница! – Симеон встал. – Все ясно. Из черепушки этого уroda выйдет отличный ночной горшок.

Он сжал окровавленный кулак. Ригар лихорадочно нащупывал в кармане ракушку, но обмякшие пальцы не слушались.

– Погоди, – вмешался Бершад. – По-моему, от него и жасмином тянет. Точно, жасмином. Легонечко так. На выдохе. Мне вроде бы так почудилось.

– Да, задачка та еще, – сказал Симеон. – И как же ее решить?

– Ну, если со следующим выдохом прозвучат полезные слова, то решение, может быть, и найдется.

– Да-да! – торопливо закивал Ригар. – У Змиерубов контракт с Озирисом Вардом. Нам поручено отыскать и нанести на карту все драконьи логовища Дайновой пущи, потому что в них якобы есть какая-то хрень, которая зачем-то нужна Безумцу. Мы находим логовища, потом приходят аколиты и все зачищают.

– Это я и без тебя знаю, – сказал Бершад. – Расскажи-ка что-нибудь поинтереснее.

От страха Ригар совершенно перестал соображать.

– Ты давно со Змиерубами? – спросил Бершад.

– Месяц, – соврал Ригар, не ожидая ни малейшего сочувствия к ветеранам.

– А до того чем занимался?

– Был охранником, сопровождал торговые корабли в Таггарстан.

– И почему сменил работу?

Ригар пожал плечами:

– Командир Вергун брал на службу любого, кто умеет обращаться с мечом. Сулил хорошее жалованье – десять золотых в неделю. – Он сглотнул. – А за каждого убитого Ягуара – сотню.

– В награду?

Ригар кивнул.

Бершад нахмурился:

– Где Валлен Вергун?

Ригар замялся:

– Ну... он нигде долго не задерживается. Так же, как и ты. Я... я не знаю, где он.

– Угу, галамарцы никогда и ничего не знают, – буркнул Симеон и снова занес окровавленный кулак.

– Погоди! Погоди же!

Кулак Симеона замер в воздухе, на лицо Ригара упали капли крови. Ригар попытался вспомнить хоть что-то, неизвестное этой парочке.

– Каждое логовище помечают тайным кодом, в зависимости от того, насколько вход в него зарос лианами. – Ригар вывел на земле цепочку символов. – Вот этот – для небольших логовищ, этот – для средних, а вот такие – для самых крупных. Наш отряд так и не обнаружил ни одного большого, но я слышал от бойцов, что в крупные логовища командир Вергун приезжает лично, следит за зачисткой, чтобы все шло по правилам.

Бершад присел на корточки и взгляделся в символы.

Симеон почесал в затылке, оставив в волосах кровавые ошметки:

– Гм, так он галамарец или кто?

Бершад внимательно осмотрел раны на теле Ригара:

– Ты истекаешь кровью, в джунглях тебе не выжить. Ты вряд ли доберешься домой, сдохнешь по дороге медленной и мучительной смертью. Может, лучше тебя убить? Из милосердия?

Он чуть-чуть приподнял копьё – не угрожающе, просто поясняя, что именно предлагает.

Ригар уставился на наконечник копья, перевел взгляд на аккуратное отверстие в голове аколита 408, а потом – на трупы, разорванные в клочья Симеоном. Конечно же, быстрая смерть предпочтительнее, но место, куда прибудет очередной неболёт, находилось всего в десяти лигах отсюда. Вот бы туда добраться.

– Я лучше в джунгли уйду, – сказал он наконец. – Если можно.

Бершад кивнул:

– Похоже, это все-таки паргосец. Они все упертые сволочи.

– Ох, Сайлас, ты у нас такой милосердный, аж противно, – со вздохом сказал Симеон.

– Хм, такого мне еще никто не говорил, – ответил Бершад. – Может, это ты у нас слишком кровожадный?

– Все может быть. – Симеон сплюнул, холодно посмотрел на Ригара и указал на восток. – Вали отсюда.

Опасаясь подвоха, Ригар проворно отполз назад, потом поднялся и захромал в чашу. Ныли переломанные ребра, кровь заливала исцарапанное лицо, босые ноги болели, но Ригару было все равно. Он дойдет, он обязательно дойдет.

– Эй, Ригар! – окликнул его Бершад.

Ригар покорно обернулся, ожидая, что копье вот-вот пронзит ему грудь, но Бершад все еще сидел на корточках. Утренний свет четко очерчивал синие прямоугольники на щеках.

Бершад ткнул пальцем вверх:

– Ты поосторожнее. Здесь драконов до фига.

2. Вира

Галамар, город Аргель

Край наплечника больно давил в подмышку. Вира взбиралась на башню аргельского замка; следом карабкался Гаррет. Солнце закатилось минуты три назад.

Они направлялись в покои аргельского правителя. Еще недавно Гарвин был обычным бароном – Вира помнила его по тем временам, когда в Аргель прилетел красноголов и разрушил город. Судя по всему, с тех пор Гарвин существенно упрочил свое положение.

Для начала он стал графом.

Вместе с титулом он получил и деньги, отстроил замок по последней баларской моде, то есть в два раза выше, из стальных балок, украшенных шестеренками, чтобы продемонстрировать приверженность императору Мерсеру Домициану, который вскоре был убит.

Так что Гарвин недолго нежилась под ласковым светом империи. Озирис Вард потребовал, чтобы новоиспеченный граф отправил в Незатопимую Гавань все свое войско для участия в зачистке Дайновой пущи. Гарвин из всех сил оттягивал отправку, надеясь выторговать условия получше, поскольку Варду были очень нужны новые бойцы.

Вместо условий получше Озирис послал к Гарвину Виру и Гаррета.

В приоткрытые окна покоев на самом верху башни врвался свежий морской ветерок. На столе Гарвин лежал ничком, а две светловолосые галамарки делали ему массаж. Горели свечи, пахло благовониями. Женщины втирали в тело Гарвина ароматические масла, ритмично водя ладонями по коже и что-то напевая. Зрелище было бы красивым, если бы правитель не был так волосат. Слушая шорох промасленных волос, Вира брезгливо поморщилась.

Она выжидала. Через несколько минут одна из галамарок шлепнула Гарвина по ягодице, и он перевернулся на спину, по-прежнему не открывая глаз. Одна женщина начала массировать ноги Гарвина, другая – грудь. Мало-помалу обе добрались до гениталий правителя. Одна стала ласкать его яйца, другая – постепенно твердеющий елдак. Стоны возбужденного Гарвина заглушили все остальные звуки.

Вира покосилась на Гаррета. Он кивнул.

Она приоткрыла окно пошире и скользнула в покои.

Галамарки, занятые своим делом, заметили Виру, лишь когда она выволокла кресло из угла на середину комнаты и уселась на него.

Одна из женщин вскрикнула и зажала рот руками, выпустив елдак, шлепнувший по внушительному брюху правителя. Гарвин выругался по-галамарски и привстал, но тут же замер, увидев Виру.

– Так, вы обе, марш к стене! – приказала Вира на галамарском. – Не кричать и не шуметь – останетесь живы.

Женщины послушно отошли и прижались к стенке. Елдак Гарвина скукожился в паху. Вира ткнула в его сторону кинжалом и улыбнулась:

– Ни разу не видела, чтобы стояк так быстро пропал. Я тебе что, не нравлюсь? Или брюнетки не в твоём вкусе?

– Ты кто? – просипел Гарвин.

– Ты знаешь, кто я. И знаешь, зачем я здесь.

– Безумец требует бойцов?

– Ты обещал прислать войско две недели назад. А в казармах Незатопимой Гавани до сих пор пусто.

– В небе над Аргелем тоже пусто, – ухмыльнулся Гарвин. – В чем дело? У Озириса кончились летучие корабли? Ему нечем мне пригрозить?

Он был прав, но Вира не собиралась подтверждать его предположения:

– Озирис не хочет бомбить город, полный здоровых солдат. Пока его интересует только причина задержки.

Гарвин осклабился:

– Альмирские дикари разрывают в клочья всех, кого Безумец отправляет в джунгли. Если он хочет послать туда моих бойцов, пусть платит больше.

Значит, им движет обыкновенная алчность, подумала Вира.

– Нет. Либо ты исполняешь обещанное, либо я тебя убью. Прямо здесь.

Зрачки Гарвина сузились, плечи напряглись, и Вира поняла, что он готов на нее прыгнуть. Как только он подался вперед, Гаррет набросил на шею правителя удавку, затянул петлю и вздернул его вверх, будто тюк сена к стропилам амбара. Вира откинулась на спинку кресла и пинком чуть сдвинула массажный стол. Гарвин задрогал ногами в воздухе и захрипел. Одутловатое лицо побагровело. Наконец пальцами ноги он нащупал стол, оперся на него, выпятив волосатое брюхо, и застыл, голый и беззащитный.

Великолепно.

– Эх, Гарвин! – протянула Вира, похлопывая кинжалом по ладони. – Не умеешь ты вести переговоры.

– Сука! – прохрипел он.

Вира пожала плечами:

– Предлагаю новую сделку. Утром отправишь Озирису Варду все свое войско. За это ты не получишь никакого вознаграждения, но сохранишь себе жизнь. Если ты не исполнишь этот приказ, то я вернусь и убью тебя. – Она встала, сделала шаг вперед и кончиком кинжала приподняла елдак Гарвина. – И сдохнешь ты не смертью героя на поле боя, а в страшных и долгих мучениях. А потом придут имперские неболёты и уничтожат всех жителей Аргеля – и мужчин, и женщин, и детей. Ясно тебе?

От злости и напряжения на висках Гарвина вздулись вены, но он угрюмо кивнул.

– Ну как, теперь будешь послушным, граф?

– Да.

– Отлично.

Вира отвела кинжал в сторону и махнула рукой Гаррету. Он ослабил удавку. Гарвин тяжело шлепнулся на мягкий паргосский ковер, потер горло и со свистом втянул в себя воздух.

Вира перевела взгляд на галамарок у стены. Одна рыдала, вторая дрожала, хотя ночь выдалась душной и жаркой.

– Никому ни слова, – сказала Вира. – Или я к вам в спальни загляну. Понятно?

Обе кивнули, со страхом глядя на нее.

– Вот и славно. – Вира присела на корточки, чтобы Гарвин видел ее глаза и лучше слышал. – Что ж, спокойного тебе моря и неба на пути в Альмиру.

Она отошла к окну.

– Я так и знал, что после смерти Окину вдовы переметнутся к Безумцу. Вы изображаете из себя отважных и верных телохранительниц, а на самом деле вы просто служите тому, у которого больше власти, – внезапно заявил Гарвин. – Ты попрекаешь меня алчностью и запугиваешь, а сама ничем не лучше меня. И все вы такие, вдовы!

Вира посмотрела на него:

– Все мои сестры погибли, Гарвин. Я – последняя папирийская вдова. И я никогда не считала себя лучше других.

Вира и Гаррет покинули Аргель знакомым путем: спустились по крепостной стене и крадучись пробрались по темным переулкам.

Конечно, лучше было бы подвести «Синего воробья» к самой башне и соскользнуть по канату, потому что ходить по городу было очень опасно, но Озирис хотел показать Гарвину, что может достать его не только неболётами, но и убийцей в ночи.

Такие намерения были вполне резонны, но пробираться в укрепленный замок пришлось не Озирису, а Вире с Гарретом. Они выломали ржавую решетку клоаки и по сточной трубе проникли в город. Предполагалось, что из города они выйдут той же дорогой.

И все бы ничего, но у выломанной решетки теперь стояли четверо копеечников.

Вира и Гаррет присели на корточки в тени дома на узкой улочке, шагах в ста от сливного отверстия.

– Соглядатаи Варда докладывали, что входы в клоаку не охраняются, – шепнул Гаррет.

– Врали, наверное. Или ошиблись. А у нас теперь проблемы.

– А если в обход?

Для этого надо было пробраться на противоположную сторону города, к одной из башен, откуда оповещали о приближении драконов. Башню охраняли два стражника, которые, по словам соглядатаев, каждый вечер выпивали бурдюк вина, а к концу караульной смены опустошали и второй.

Сверившись с часами на запястье, Вира покачала головой:

– Слишком далеко. На «Синего воробья» мы попадем только к рассвету, а Вард велел нам оставаться незамеченными.

Гаррет кивнул и снова посмотрел на копеечников:

– Тогда надо действовать без шума.

– Да.

Они изучили местность. Заросли папоротника слева, шагах в двадцати от решетки, скрывались в густой тени. Справа, чуть подальше, высились штабеля черепицы.

– Я зайду справа, а ты слева, – предложила Вира.

– Согласен.

Они разделились и медленно, с опаской, двинулись к своим позициям, стараясь не привлекать внимания четырех копеечников, которые особо не дергались, но зорко посматривали по сторонам. Кто-то небрежно сплевывал, кто-то бормотал себе под нос, однако все следили за обстановкой.

Вира добралась до штабеля черепицы, вложила в пращу свинцовую пульку, достала еще одну и легонько стукнула по кривому гвоздю, торчавшему из деревянной плашки. Негромкий звук не вызывал подозрений, но Вира знала, что Гаррет наверняка распознает в нем условный сигнал.

Правой рукой Вира крепче сжала пращу, а левой натянула ее, что сберегало полсекунды во время броска.

Тишина. Один из копеечников пернул. Потом сплюнул и ногой растер плевков по земле.

Тут пеньковая веревка туго обвилась вокруг шеи караульного, и Гаррет стремительно уволок его в тень.

Как только оставшиеся трое уставились в ту сторону, Вира выпрямилась, крутанула пращу над головой и выстрелила.

Свинцовая пулька пробила затылок ближайшего копеечника. Вира выхватила из ножен Овару и бросилась вперед. Сраженный копеечник, качнувшись, повалился на землю. Двое караульных обернулись и тут же наставили копья на Виру. Видно, попались хорошо обученные.

Отшатнувшись, Вира обманным движением занесла Овару над головой, а другой рукой сорвала с левого бедра Кайсу и метнула в горло ближайшего копеечника. Он погиб без единого звука, но Вира открылась для последнего бойца, который уже готовился пронзить ее насквозь.

Из тени выступил Гаррет, пырнул копейщика в шею, крепко зажав ему рот, и медленно уложил тело на землю. Потом выдернул клинок из раны, тремя быстрыми движениями вытер его о накидку убитого, спрятал в ножны и посмотрел на Виру.

– Свяжем их вместе и оттащим в сточную трубу, – сказала она. – Их никто не найдет, пока не завоняют.

Гаррет кивнул и начал привязывать трупы друг за друга.

Сточная труба выходила в поле близ обрывистого берега реки, где можно было укрыться. Вира с Гарретом осторожно пересекли поле, спустились к воде и засели под откосом.

Вира вспомнила, что, когда на Аргель напал дракон-красноголов, тут прятались горожане, а теперь и ей пришлось воспользоваться этим укрытием. Странно, как иногда замыкается круг.

Двумя пальцами она нажала на циферблат в наруче, ощутила четырехкратную прерывистую пульсацию: недавнее изобретение Озириса Варда теперь позволяло узнавать время даже в темноте.

– Осталось семнадцать минут, – сказала Вира.

– Понял.

Вире очень хотелось выкурить трубочку, но это наверняка привлекло бы внимание какого-нибудь дракона, или случайного прохожего, или обоих сразу. Точить кинжалы сейчас тоже не стоило. Вместо этого Вира попыталась поправить сползший левый наплечник, который нещадно давил в подмышку.

Гаррет вытащил из котомки пузырек масла, обернутый черным лоскутом, и начал смазывать любимую удавку.

Каждый молча занимался своим занятием. Наплечник Виры в свое время пострадал от меча скожита при переходе через Вепрев хребет, но ни в одной оружейной мастерской Бурзаль-дуна не нашлось умельцев, способных удовлетворительно починить доспех из акульей кожи. Работа с таким материалом требовала специальных умений и навыков.

Химейские оружейники смогли бы подправить наплечник, но в столице Папирии никого не осталось в живых. Все обитатели города погибли. В общем, теперь так и приходилось носить покоцанный доспех.

Из раздумий ее вывел голос Гаррета:

– Ты уверена, что больше никто из папирийских вдов не уцелел?

Для них это было уже седьмое совместное задание, но сейчас Гаррет впервые задал Вире вопрос, не связанный с исполнением приказа.

– Почти все погибли при бомбежке Химейи, – ответила Вира. – Несколько вдов, из тех, кого Окину послала на помощь Эшлин, оставались в Альмире, но я убила последнюю.

– За что?

– Она предала Каиру.

– А вдруг есть еще кто-то? Что, если кому-нибудь удалось укрыться в темном уголке?

– Нет.

– Откуда ты знаешь?

Вира вздохнула:

– Потому что сейчас я служу человеку, который уничтожил Папирию. Если бы кто-то из вдов остался в живых, меня уже постарались бы убить.

– Резонно.

Он плеснул масла в ладонь и снова занялся удавкой. Похоже, закончил разговор. Вира не настаивала на продолжении.

Через несколько минут Гаррет снова заговорил:

– Мне нравится с тобой работать.

Вира фыркнула, решив, что он шутит, но потом увидела его серьезное лицо и удивилась:

– Почему?

– Гарвина ты захватила врасплох, так что он совершенно не контролировал происходящее. С четырьмя охранниками у сточной трубы было непросто разобраться, но ты не запаниковала и очень чисто сработала. – Гаррет взглянул на нее. – Тебе надо гордиться своими умениями. Я впечатлен.

– Чтобы запугать голого графа, особых умений не требуется.

– Да я не о том. – Двумя пальцами он ощупал плетеную удавку. – Для того чтобы чисто выполнить задание, нужны определенные навыки. Ты делаешь это красиво. Это настоящее искусство.

Вира промолчала, не зная, как воспринимать такое заявление. У Гаррета явно не было привычки хвалить всех подряд. Может быть, ей сейчас удастся выведать побольше об этом загадочном человеке, с которым она провела уже, считай, два месяца, но почти ничего о нем не знала.

– Тебе безразлично то, что мы делаем? – спросила она.

– Результаты нашей работы не имеют значения.

– Вряд ли с этим согласятся убитые копейщики, которых мы оставили гнить в клоаке.

Он заморгал:

– Дело в том, что в данном случае любой результат не имеет значения. В конце концов кто-то выиграет эту войну. Может статься, что ее выиграет Озирис Вард. С другой стороны, война в джунглях тяжела и непредсказуема. – Он подрезал ножом обмахившиеся концы удавки. – Однако все закончится одним и тем же. Какое-то время будет мир. Терра залечит раны. Бабы нарожают новых солдат для новой бойни. И лет через десять-двадцать начнется новая война. А после нее – еще одна. И еще, и еще. Такой вот замкнутый круг, бессмысленный и бесконечный. Куда легче искать красоту в мелочах.

– Я с тобой не согласна, – сказала Вира. – Если есть люди, которые важны для тебя, ты можешь их оберегать.

– А, ну как же, – вздохнул Гаррет. – Твоя раненая императрица Каира. Ты когда ее видела?

– Сорок семь дней... – Вира взглянула на часы в наруче, – шесть часов и пятнадцать минут назад.

– А секунды ты тоже отсчитываешь?

Вира зыркнула на него, но ничего не сказала.

– Наверное, именно из-за нее ты воюешь на стороне зла, – продолжил Гаррет.

– Помнится, ты говорил, что не веришь в добро и зло.

– Мне безразлично добро и зло. А тебе нет. Вряд ли ты считаешь, что Терра стала лучше, после того как Озирис Вард захватил небо над ней.

– Вард – единственный, кто способен исцелить Каиру. Она осталась жива лишь благодаря его стараниям.

– Мы с тобой вот уже несколько месяцев работаем бок о бок и, выполняя приказы Варда, побывали почти во всех уголках Терры. По-моему, он не очень-то торопится исцелять Каиру.

Вира помотала головой:

– К моему возвращению Каире должно полегчать. Ее можно будет отключить от всех аппаратов Варда. Он сам мне обещал.

– Ты веришь его обещаниям?

– Я никому не верю.

– Тогда почему ты не захотела вернуться раньше? – спросил Гаррет.

Вира рассеянно ковырнула струп на пальце – оцарапалась, карабкаясь на башню аргельской крепости.

– Потому что Каире не будет никакой пользы, если я стану денно и ночью торчать у ее постели.

– А ей есть польза оттого, что ты служишь Озирису Варду?

Вира содрала с костяшек пальцев запекшуюся кровь.

– Вроде бы да.

На самом деле она согласилась отправиться в длительное путешествие по Терре вовсе не из-за этого, но не хотела ничего объяснять Гаррету по прозвищу Палач, ведь вместо души у него была бездонная черная пропасть.

Гаррет свернул удавку в тугую петлю и прицепил ее к поясу.

– Значит, как только Каира выздоровеет, ты больше не будешь исполнять никаких заданий.

– Да.

– Жаль. Мы с тобой отлично сработались.

Гаррет был прав. Они не только помогли Озирису Варду получить власть над всей Террой, но и проделали это весьма успешно. Единственным небольшим проколом стало то, что случилось при уходе из Аргеля. Однако же от осознания всей этой успешной помощи Озирису Варду Вире становилось еще горше. А вот Гаррету, судя по всему, нет.

Издалека донесся гул работающих двигателей «Синего воробья». Через несколько секунд из-за южных скал появился неболёт и двинулся к месту, где ждали Вира и Гаррет.

У «Синего воробья» не было ни оружия, ни тяжелой брони, поэтому Озирис и отправлял его на подобные задания. Остальные неболёты неустанно патрулировали захваченные государства, сбрасывали десанты в Дайновую пущу или зависали над каким-нибудь городом Терры, подавляя возможный бунт населения.

Гаррет направился к летучему кораблю. Вира шла следом, втайне удивляясь тому, что напарник впервые решился оставить ее за спиной.

Как только они поднялись на борт, Децимар спросил:

– Ну как, уговорили?

– Да.

Децимар кивнул и быстро отдал приказ своим подчиненным. Спустя две минуты неболёт взмыл в воздух и взял курс на Незатопимую Гавань.

Солнце еще не взошло, так что в темноте их отбытия никто не заметил.

3. Бершад

Заповедный Дол

Головы, собранные Симеоном, начали смердеть еще по дороге в Заповедный Дол, так что громадный скожит подошел к городским воротам, окруженный целым облаком черных трупных мух. Симеон не обращал на них внимания, зато воины, разбившие лагерь у городских стен, громко возмущались.

Керриган должна была привезти очередную партию провизии из Данфара, поэтому разрозненные отряды, составлявшие Воинство Ягуаров, вернулись в Заповедный Дол, чтобы пополнить запасы съестного, а потом снова уйти воевать в джунгли. Собираться в одном месте было опасно, но в окрестностях Заповедного Дола водилось столько драконов-дуболомов, что ни один неболёт не мог приблизиться к городу, а добираться туда пешком было еще труднее. Воины-ягуары передвигались тайными тропами, поросшими выюном-захлестом, от которого дуболомы старались держаться подальше.

Покамест Заповедный Дол был самым безопасным местом во всей Терре, но все переменится через несколько месяцев, когда дуболомы улетят на новые гнездовья.

Воины играли в кости у костра, на котором жарился кайман. Увидев среди бойцов Виллема, Бершад направился к нему. Близ кострища рядом выстроились глиняные болванчики, повернутые лицами к лесу и утыканные стальными стружками.

– Что, снова головы приволок? – поморщился Виллем, глядя на Симеона.

– Ага, воюю с баларскими умами, – ответил Симеон.

– Тебе мало твоего доспеха из драконьей чешуи? – спросил Виллем.

Симеон задумался:

– Мало. Головы – это очень важно.

– Почему? – не унимался Виллем.

– Ох, лучше не начинай, – сказал Бершад.

Виллем отмахнулся от черных мух, устремившихся к кайману:

– А ты не мог бы воевать с умами где-нибудь подальше от нашего ужина?

Симеон фыркнул:

– У вас, низинников, вместо крови – беличьи сосиски.

Закаленные в боях воины, отправившие в последнее плавание не один десяток врагов, не стали реагировать на обидное замечание. Симеон сообразил, что раздражить их не удастся, подхватил свою ношу и отошел на край лагеря. Никто не знал, что именно он собирается делать с головами.

– Зачем ты ему это позволяешь? – спросил Виллем.

– Ты же сам вставлял в глиняные тотемы глаза, выдранные из трупов, – сказал Бершад. – Терпеть не могу двойные стандарты.

– Выдирать глаза из трупов и отрывать головы – две большие разницы. А он эти головы еще и за собой таскает.

– Да уж, разница наверняка есть, – согласился Бершад. – Симеон сказал бы, что одних глаз недостаточно.

– О боги, видно, все, кто побывал на этом проклятом северном острове, сошли с ума. Может, у вас мозги грибами поросли?

– Кто рассказал вам про грибы?

– Фельгор, – хором ответили три воина.

– Понятно.

Бершад не очень хорошо знал Виллема, но был знаком с его командиром Джоном Камберлендом, воином с отличной репутацией, который служил с отцом Бершада. Камберленд

погиб от рук Змиерубов, и Виллем, стараясь во всем на него походить, в некотором смысле теперь возглавил Воинство Ягуаров.

Виллем бросил кости, беззлобно выругался.

– А ты тоже что-то с собой приволок, – сказал он, кивая на наплечный мешок Бершада, полный магнитов и механизмов, вырезанных из трупа серокожего аколита.

– Ага. Это для Эшлин.

– Она с Джоланом с раннего утра сидит в крепости, – сказал Виллем. – Какие-то опыты проводит.

После Фаллонова Гнезда Эшлин с Джоланом ушли с передовой, пытаясь выяснить, что пошло не так, и устроили исследовательскую лабораторию в крепости Заповедного Дола.

– Колдует она там, – пробормотал рыжеволосый воин по имени Сем.

Виллем пожал плечами:

– Опыты, алхимия, колдовство – все это просто ярлыки для обозначения сложных систем, понять которые можно, лишь обладая эзотерическими знаниями.

– По-моему, ты просто повторяешь слова, сказанные твоим приятелем в серой рясе.

– Потому что Джолан правду говорит.

– А почему ты так нахваливаешь этого мальчика? – спросил Сем.

– Прошлой зимой он ходил с нами на захват неболёта.

– И как же алхимика угораздило к вам попасть?

– Долго рассказывать, – вздохнул Виллем. – И вообще, для этого надо либо напиться в дым, либо основательно расчувствоваться.

Бершад посмотрел на крепость на холме и удивленно наморщил лоб – одна из башен исчезла.

– Что случилось с северной башней? – спросил он.

– Говорят, пару недель назад у Эшлин что-то не сложилось. К счастью, не пострадал никто, кроме твоей фамильной каменной кладки.

– Вот об этом я и толкую, – сказал Сем. – Как по мне, то, что может уничтожить крепостную башню, и есть колдовство.

Воины продолжили дружескую перепалку. Бершад покосился на каймана на вертеле над костром и сглотнул слюну. До Заповедного Дола они с Симеоном добирались два дня, без отдыха и без еды.

Он сбросил мешок с плеча, снял с пояса кинжал и подошел к кайману.

– Он еще недожарился, – предупредил Виллем.

Бершада это не остановило. Он отрезал здоровый шмат мяса и проглотил, почти не жуя. Рот наполнился нежным рыбным вкусом.

Еда всегда усиливала связь Бершада с кочевницей. Он ощутил присутствие драконихи высоко в небе, будто между ними протянулась незримая нить, которая сейчас чуть подрагивала. Он знал, что кочевница тоже чувствует вкус каймана. Она стремительно вылетела откуда-то из-за туч и метнулась вниз. Когда до земли оставалось шагов двести, дракониха распахнула крылья, чтобы замедлить спуск, и опустилась на огромный дайн на окраине лагеря.

Некоторые воины, забыв об ужине, бросились в укрытие, но те, кто сражался бок о бок с Бершадом на этой войне, знали о кочевнице и теперь даже салютовали ей своими флягами.

Бершад посмотрел на дракониху, а она склонила голову, будто в знак приветствия.

– Даже не думай отдать своей прирученной любимице нашего каймана, – заявил Виллем. – Я готов поделиться куском с правителем Заповедного Дола, но драконы должны самостоятельно добывать себе пропитание.

– Она не прирученная, – возразил Бершад.

– А Фельгор так не считает.

– Знаешь, ты лучше не верь всем тем рассказам, которые плетет баларский воришка.

– То есть ты ее Дымкой не зовешь? – уточнил Сем.

– У драконов нет имен, – сказал Бершад.

Пока они беседовали, из леса показались пятнадцать бойцов в черных масках Ягуаров. Во главе отряда шел воин с длинными спутанными волосами, перемазанными глиной.

– Оромир Черный, гроза балар! – пьяным голосом воскликнул кто-то. – Сколько Змиерубов положили?

Не отвечая, Оромир снял маску. Шрамы густо покрывали его левую щеку и горло, кончик левого уха отсутствовал.

– Эй, Оромир! – окликнул его Виллем. – Если проголодался, у нас тут жареный кайман как раз готов.

Прошлой зимой Виллем и Оромир вместе с Джоланом принимали участие в провалившейся попытке украсть неболёт. Воины сохраняли дружеские отношения, но Оромир с тех пор не разговаривал с Джоланом – Бершад не знал почему, но догадывался, что это как-то связано со смертью Джона Камберленда.

Оромир подошел к костру, мельком взглянул на Бершада, уселся напротив Виллема, откупорил флягу, из которой едко пахло спиртным, и сделал большой глоток.

– Ну, как дела? – спросил Виллем.

– Мы с ребятами выследили большой отряд Змиерубов в Зеленогорье, – сказал Оромир, – человек шестьдесят. Примерно треть ушла, их подобрал неболёт. Остальных мы отправили в последнее плавание.

– То есть пятнадцать воинов положили сорок Змиерубов? – уточнил Бершад.

Оромир посмотрел на него:

– Да.

– А потери у вас были? – спросил Виллем.

– С неболёта высадился серокожий, – сказал Оромир и снова отхлебнул из фляги. – Гуннар замешкался, не успел скрыться в джунглях, и аколит разорвал его на куски.

Все умолкли. Сем начал лепить глиняного божка – то ли за душу Гуннара, то ли в надежде на такой же успех для своего отряда в будущем, ведь гибель одного-единственного бойца в стычке с серокожим – очень хороший результат.

– А про сероглазого баларина, который убил Камберленда, ничего не слышно? – спросил Виллем.

– Его зовут Гаррет, – напомнил Оромир. – Нет, ничего. Пленники, которых мы захватили в Соляных Болотах, рассказывали, что он служит Безумцу и постоянно ездит куда-то за пределы Альмиры.

– Жаль.

– Я его отыщу, – заявил Оромир непреклонным тоном, и Бершад понял, что если Гаррет не вернется в Альмиру, то Оромир прочешет всю Терру, чтобы его найти. – А вы как? – спросил Оромир Виллема.

– Да так себе. На севере устроили засаду у реки, Змиерубов покروшили изрядно, только и наших много полегло. На востоке нам повезло больше: с помощью глиняных болванчиков мы заманили целый отряд в логово дуболомов. Придурки думали, что гонятся за нами, и попали прямиком на обед к драконам.

– Эти уроды совершенно не знают джунглей, – проворчал Сем. – Только болван не замечит, что приближается к драконьему логову.

– Судя по доспехам, это были галамарцы, – сказал Виллем, оглядываясь по сторонам. – Только Симеону не говори, он мигом туда побежит, чтобы поотрывать головы трупам.

– А почему он так не любит галамарцев? – спросил Сем.

– Он же скожит!

– Да знаю я, что он скожит. А галамарцы тут при чем?

Виллем удивленно заморгал:

– Ты что, истории совсем не знаешь?

– Я воин Дайновой Пущи. История ни фиги не помогает, если надо подкрасться к какому-нибудь мудаку и проткнуть его мечом.

– Карлайл Лайавин с тобой не согласился бы, а два часа рассказывал бы тебе про арбалеты. Но он погиб, а я не полководец, поэтому просто замечу, что у любого, в чьих жилах течет кровь скожитов, есть веские причины ненавидеть галамарцев. Эти гады вот уже двести лет топчут скожитские земли.

– Правда? – Сем скрестил руки на груди. – В таком случае у меня тоже есть веские причины ненавидеть этих мерзавцев. Особенно потому, что их сбрасывают к нам быстрее, чем мы успеваем их уничтожить. Да и вообще, эта война вся такая, вроде как стоишь у гнезда шершней и пришибаешь их одного за другим, будто это как-то поможет побыстрее все закончить.

Виллем сузил глаза:

– Сам придумал?

– Ну, типа того.

– Да? Почему же раньше я от тебя никаких сравнений не слышал?

– Ой, ну ладно. Это листириец сказал, ну, пират этот, Голл. – Сем ухмыльнулся. – А что, правду уже и повторить нельзя?

– Можно, можно, – отмахнулся Виллем.

– А что случилось с отрядом Сенлина? – спросил Бершад. – И с Аппумом?

Оба эти воина сражались бок о бок с Бершадом в Гленлокском ущелье.

Виллем поморщился:

– Они напоролись на серокожего, он их в клочья разодрал и разметал по всему лесу.

– Проклятые твари, – пробормотал Сем.

– И не они одни. Лучники перебили людей Ньюта и Гранта, – вздохнул Виллем. – Их отряды пытались перебраться через поле. Половина погибла, уцелевших доставили к лекарям, в палатки под крепостной стеной в Заповедном Доле. Для многих эти палатки – просто остановка перед тем, как отправиться в последнее плавание. Вдобавок даже из выживших почти никто не возвращается в строй.

Он выжидающе посмотрел на Бершада, но тому было нечего сказать.

Бершад вскинул на плечо мешок с механическими приспособлениями, извлеченными из аколита:

– Мне надо передать это Эшлин.

– Да зачем ты таскаешь ей эту хрень? – спросил Оромир. – Забыл, что ли, чем закончилось все ее механическое колдовство прошлой весной, в Фаллоновом Гнезде? – Он ткнул себе в щеку, исполосованную шрамами.

– Затем, что дела у нас идут по-прежнему хреново, – ответил Бершад. – Просто медленнее, чем раньше.

Он направился к городским воротам. Кочевница, следуя за ним, перелетела на огромный дайн у крепостной стены.

В лагере было много торговцев, жителей Заповедного Дола, которые привыкли к присутствию дуболомов в округе, но испугались, увидев поблизости серокрылого кочевника. Они бросили свои товары и разбежались. Кто-то с громким криком бросился к воротам, требуя, чтобы их закрыли.

– Держись от меня подальше, – сказал Бершад кочевнице.

Она фыркнула, посмотрела на крепость, снова перевела взгляд на него.

– Да-да, Эшлин по тебе соскучилась. Она тебя всего раз семьдесят нарисовала, ждет не дождется случая сделать еще один эскиз. Но если ты залетишь в город, то всех перепугаешь.

Дракониха, облизнувшись, принялась к плодам мангового дерева рядом с дайном.

– Подожди меня здесь, пожуй фрукты, – посоветовал Бершад, тоже ощутив в ноздрях сладкий аромат манго. – Как раз спели.

Кочевница подозрительно взглянула на него.

– Ну, может, еще не все. В общем, сиди здесь и, главное, не жри людей.

Дракониха еще раз недовольно фыркнула и поудобнее устроилась на дереве.

– Вот и славно.

Как только Бершад очутился в пределах крепостных стен, то сразу ощутил неприятный зуд, будто на коже вот-вот выступит сыпь. Такое все время случалось с ним в городах, даже в том, который построили его предки.

По Канальной улице он направился к крепости. Улицу называли в честь канала, отходившего от глубокого озера посреди города. Вода в канале пахла илом, ряской и свежим дождем.

Оружейники и ремесленники, стоявшие в дверях своих лавок вдоль улицы, зазывали прохожих и сразу же узнали Бершада.

– Барон Бершад, может быть, сегодня вам приглянется мой товар? – с улыбкой спросил сапожник, глядя на босые ноги бывшего драконьера.

– Как-нибудь в другой раз.

– Вот так всегда, – махнул рукой сапожник. – Если все станут брать с вас пример, я останусь не у дел. А пока каждый вечер леплю глиняных божков, прославляю колючки и скорпионов.

– Неплохо придумано.

Оружейник попросил Бершада показать ему щит из драконьей кости и копье из хвостового шипа нага-душеброда, восхитился работой мастера.

– Кто же их сделал? – в сотый раз поинтересовался он.

Бершад помотал головой:

– Долго рассказывать, а у меня сейчас нет времени.

По склону холма он поднялся к озеру. На берегу какая-то девчушка ловила рыбу.

– Ну как улов? – спросил Бершад.

Девчушка оглянулась и вздрогнула, сообразив, кто это.

– Барон Сайлас, – с поклоном сказала она.

– Ты лови-лови, не отвлекайся, – пробормотал он.

Бершад с юности не любил, когда ему, барону, правителю провинции Дайновая Пуща, выказывают чрезмерное уважение, а сейчас, после долгих лет скитаний изгнанником-драконьером, без кола и без двора, он просто возненавидел все это, чувствуя, что ему предлагают кусок дерьма под видом сахара.

– Ладно, – ответила девчушка, снова закидывая удочку. – Вчера моя сестра заметила паку, как раз вот здесь, на мелководе. Я очень надеюсь его поймать, обрадую посетителей.

В камышах у небольшого островка посредине озера действительно прятался паку, но Бершад решил, что будет честнее, если девчушка отыщет его сама.

– Ты торгуешь рыбой? – спросил Бершад.

Девчушка картинно закатила глаза:

– Нет, я держу таверну, «Кошачий глаз», на теневой стороне канала.

– А не слишком ли ты мала, чтобы держать таверну? – спросил Бершад, потому что девочке было лет десять, не больше.

– Ну, я ж не одна, разумеется.

– Разумеется, – согласился Бершад. – И как тебя зовут?

– Гриттель.

– Гриттель? И все?

– И все. Моя сестра говорит, что простым людям длинные имена ни к чему.

– Понятно.

Гриттель вздохнула и сосредоточенно стала выбирать леску:

– Похоже, никакой рыбы мне сегодня не видать. Зато у меня в таверне есть свежий ливенель. Могу угостить, если хочешь.

Бершад пожал плечами. Эшлин с Джоланом никуда не денутся, а ему очень хотелось пить.

– С удовольствием. Пойдем.

Вдвоем они пошли по Канальной улице. На них удивленно оглядывались прохожие. Бершад хорошо слышал шепотки за спиной.

Слева, там, где над городом нависали горы Дайновой Пущи, из джунглей вылетели три дуболома, начали гоняться друг за другом над вершинами дайнов, покрытых желтыми соцветиями. Один из драконов выпустил когти, оцарапав в полете деревья, и на землю осыпался дождь сорванных лепестков.

В любом другом городе Терры уже били бы во все колокола, и люди, встревоженные приближением драконов, прятались бы в подвалах и погребах. Но в Заповедном Доле все было иначе. В это время года в джунглях близ города гнездились сотни драконов, обжирались манго, ловили мартышек и оленей, отъедаясь после долгого перелета с зимовий.

– Трокци клянется, что ты умеешь разговаривать с драконами, – сказала Гриттель. – Что ты попросил их защитить Заповедный Дол от неболётов и велел не залетать в город.

– А кто такой Трокци?

– Завсегдатай нашей таверны. Он сражался в баларской войне.

– Ветеран?

– Ага.

Они прошли по узкому мостику из двух шатких досок, поросшему густым мохом, от которого сладко пахло цветами и базиликом.

– Это правда?

– Что? – не понял Бершад.

– Ну, что ты приручил драконов и велел им охранять город.

Бершад оглянулся на дуболомов, которые все еще кружили над джунглями.

– Драконов приручить нельзя, – сказал он.

– А почему тогда они не нападают?

– Потому что опытные. – Бершад указал на одну из дозорных башен. – Зачем нападать на город, где тебя осыплют арбалетными болтами, если в джунглях можно обжираться спелыми манго и жирными мартышками.

– А, ясно.

– Тебя это огорчает?

Она пожала плечами:

– Нет, просто жаль, что ты не умеешь разговаривать с драконами.

Бершад внимательно посмотрел на нее:

– Дуболомы защищают Заповедный Дол от неболётов сами по себе, а не потому, что я им велел.

Бершад не стал добавлять, что через несколько месяцев, когда мартышек и манго поубавится, дуболомы улетят куда-нибудь еще. А как только непроницаемая стена агрессивных драконов исчезнет, неболёты устремятся в Заповедный Дол.

– Я так и знала, что это все рассказы, – вздохнула Гриттель. – Трокци мне врет, считает меня дурочкой. Еще он говорит, что серый кочевник, который следует за тобой, наделяет тебя колдовской силой.

Бершад фыркнул, но ничего не сказал.

Гриттель указала на крохотную улочку среди ветхих домишек:

– «Кошачий глаз» вон там.

Таверна была закрыта. Гриттель вытащила связку ключей и отперла дверь, потом метнулась к барной стойке, выставила на нее рядком глиняные кружки, осмотрела, кое-какие протерла.

– Мои завсегдатаи вот-вот придут за утренней порцией пива, – объяснила она. – Надо быть готовой.

– А родители тебе не помогают? – спросил Бершад.

– Родители померли.

– С кем же ты держишь таверну?

– Со мной, – раздался девичий голос.

Из подвала вышла девушка с кругом сыра в одной руке и черствой буханкой хлеба в другой.

Когда Гриттель сказала, что держит таверну, Бершад решил, что заведение принадлежит ее родителям, которые разрешают ей мести пол или мыть посуду. Но эта девушка (судя по внешности – сестра) была не намного старше Гриттель.

– Значит, вы вдвоем – и все?

– Да.

– А тебе сколько лет? Четырнадцать?

– Пятнадцать, – поправила она. – Ребят берут в воинство после шестнадцати, так что в мои годы я вполне могу заправлять таверной.

– Разумно. Как тебя зовут?

– Нола.

– Рад знакомству, Нола, – сказал Бершад.

Она посмотрела на него, задержала взгляд на руке, покрытой татуировками. Ну, на руку Бершада глазели многие.

– И я рада, барон Бершад.

– Зови меня просто Бершад.

– Что-то не верится, барон Сайлас.

– Между прочим, я могу приказать отрубить тебе голову за то, что называешь меня не так, как велено.

– А в это мне верится еще меньше, барон Сайлас.

Бершад улыбнулся.

– Я обещала угостить его пивом, – сказала Гриттель из-за барной стойки.

– Ну конечно, – вздохнула Нола.

Она тоже встала за стойку, взяла одну из кружек, наполнила ее из дубовой бочки.

– Ливенель я варю сама. Как началась война, я стала пиво разбавлять, чтобы на подольше хватило, но ты у нас сегодня первый посетитель, да еще и правитель города, поэтому никакой воды я добавлять не стану.

Забавная девчушка, подумал Бершад и хмыкнул:

– Спасибо.

Он сделал глоток, посмаковал крепкий напиток, ощутил цветочно-хмельной вкус:

– Неплохо.

– Неплохо? – недовольно переспросила Нола. – Это лучший ливенель на этом берегу канала.

– Точно знаешь?

– Точно. Кроме меня, здесь ливенель никто не варит.

– Хмеля не хватает?

– Да. С началом войны бароны всё гребут себе. Жаль, что богатеи не умеют варить приличный ливенель, нет в нем цветочного смака.

– А как же тебе удалось наварить целый бочонок, если бароны зажали весь хмель?

– Ну, у меня есть связи, – улыбнулась она.

– Ясно. – Бершад сделал еще глоток. – И как же так вышло, что две малые девчонки держат лучшую таверну на теневой стороне канала?

Обе девочки помрачнели. Нола схватила тряпку и стала протирать и без того чистую барную стойку.

– Мама умерла родами, – сказала Нола. – А отца тем же летом сожрал дуболом. Нас вырастили три старших брата. Они все служили в Воинстве Ягуаров, но сложили маски, когда Греалоры пришли править Дайновой Пушей. Братья не хотели умирать за каких-то сволочей с Атласского побережья. Вот тогда и стали держать таверну всей семьей. Меня всему научили. А когда Греалора убили и началось восстание Ягуаров, наши братья снова надели маски и пошли воевать. – Она затеребила тряпку. – И прошлым летом отправились в последнее плавание.

– К нам приехал военачальник Карлайл, – сказала Гриттель. – Объяснил, что они погибли, героически защищая какой-то очень важный мост.

– Ну да, так всегда и говорят, – с горечью добавила Нола. – Даже если человек гибнет просто так, ни за что.

– Похоже, ты для сестры ничего не приукрашиваешь, – сказал Бершад.

– Все краски на свете сделаны из драконьего дерьма. – Нола посмотрела на него. – А ты всегда правдиво рассказываешь семьям погибших, как сгинули их сыновья, мужья и братья?

– Нет, – признал Бершад и повернулся к Гриттель. – Судя по всему, ваши братья не были трусами.

– Ты о них слышал всего пару фраз, – отметила Нола.

– Они восстали против Греалора. А многие другие – нет.

– С каких это пор всякий, кто добровольно снимает маску, смельчак? – спросила Нола.

– Солдатам положено исполнять приказ командиров, – сказал Бершад. – А вот возражать начальству – это требует мужества.

– Может, и так.

Бершад снова отхлебнул пива. Нола уставилась на него:

– Ты не очень-то похож на барона.

– А ты многих баронов знаешь?

– Да уж знаю, что они не хвалят тех, кто им возражает. А еще они не шастают без сапог. – Нола выразительно взглянула на грязные босые ноги Бершада. – Барон Куспар, как является за своей долей, каждый раз приходит в новых.

– Я думал, что таверна принадлежит только вам.

– Да. По большей части. – Нола смущенно отвела взгляд. – Мы держались как могли, пока братья были живы. А потом, когда неболёты стали скидывать соль на фермерские поля, цены на все взлетели вдвое. Сначала помогало продовольствие, которое доставляли из Данфара, но денег нам не хватало, и я решила попросить у Куспара в долг за любые проценты. Но ты же знаешь, бароны всегда из кожи вон лезут, чтобы ухватить лакомый кусок и закабалить народ. – Она покосилась на Бершада. – Ну, тебя это не касается. Я про тех баронов, которые ходят обутые.

– Я понял, – сказал Бершад.

Он с детства был знаком с Куспаром, имевшим пай во всех заведениях Заповедного Дола. К тому же Бершад знал, что, как только казнили его отца, а его самого отправили в изгнание, Куспар одним из первых переметнулся на сторону Греалоров.

– И какая же доля у Куспара в вашей таверне?

– Треть, – ответила Нола. – Но он требует минимум сто серебряков в месяц, не важно, есть у нас прибыль или нет. В прошлом месяце мы столько не заработали, поэтому и хочется,

чтобы Гриттель поймала паку: хоть как-то продержимся до тех пор, пока из Данфара не подвезут новую партию провизии. Если, конечно, бароны ее себе не захапают.

Бершад сжал в кулаке глиняную кружку, сделал еще один большой глоток. Его отправили в изгнание, когда он еще не осознавал всю ответственность, возложенную на правителя. Как управлять городом и провинцией? Как управлять людьми? А теперь он вернулся, но шла война, так что задумываться о тонкостях правления было некогда. Да, если честно, и не особо хотелось ковыряться в этой куче дерьма и лжи, скрепленной несправедливыми законами и гнусными традициями.

– Когда я вернулся и увидел, во что превратили Заповедный Дол, мне захотелось всех убить, – негромко произнес он.

– Всех – это кого? – спросила Гриттель.

– Баронов, которые встали на сторону Греалоров.

Нола на миг задумалась.

– Тебя, наверное, королева остановила.

– Откуда ты знаешь? – удивился Бершад.

Нола пожала плечами:

– Куспар отправил на войну почти всех своих воинов. Если его убить, может, они и продолжат сражаться за Дайновую Пущу, а может, и нет. Сейчас нельзя идти на такой риск.

Эшлин сказала Бершаду почти то же самое.

– Разумно, – кивнул он.

Нола снова пожала плечами:

– Для того чтобы сделать правильный выбор на войне, большого ума не надо. Сначала необходимо избавиться от балар, а все остальное подождет.

– Ага, – сказал Бершад.

Он допил ливенель, посмаковал последний глоток, вытащил из кармана горсть монет – много больше, чем стоила кружка ливенеля, но много меньше того, что нужно было девочкам, – и положил деньги на барную стойку.

– Спасибо за угощение.

– Тебе спасибо. Только ведь за угощение платить не надо.

– Надо-надо.

Он пошел к выходу, но на пороге обернулся. Нола уже деловито расставляла кружки, а Гриттель все еще смотрела на Бершада.

– Паку прячется в камышах на южном берегу острова посреди озера. Подплыви туда днем, дожись сумерек, он про тебя забудет, начнет ловить мошкарю. Кстати, паку больше любят фрукты, а не червяков. Так что наживи крючок дайновой ягодой.

– Спасибо, барон Сайлас, – улыбнулась Гриттель. – Я так и сделаю.

Выйдя из таверны, Бершад двинулся вверх по склону холма.

За эти годы старая крепость ничуть не изменилась. По серым камням стен вились цветущие лианы, над белыми лепестками кружили колибри и пчелы. На зубчатом парапете красовались тридцать два каменных ягуара – именно столько баронов Бершадов сменилось в этой крепости.

Не было тут только двух ягуаров – в честь отца Бершада и в честь самого Сайласа. Леонова ягуара расколотили по приказу короля, а статую ягуара в честь Сайласа так и не успели смастерить.

Разумеется, в детских воспоминаниях Бершада на площади перед крепостью не было никаких палаток полевого госпиталя. Сейчас повсюду воняло гноем, желчью, говном и блевотиной. Раненые стонали от боли или отчаянно вопили под ножами врачей.

За стенами города встревожилась дракониха, тоже учуяв гнилостные запахи. Бершад очень надеялся, что она не перепугает людей у ворот.

Из одной палатки вышел Кормо, почему-то в сером балахоне алхимика, хотя на самом деле был пиратом. Впрочем, он утверждал, что это одеяние внушает уверенность его пациентам. Сейчас он старательно обтирал окровавленные целительные рукавицы обрывком выделанной козлиной кожи.

– Привет, Сайлас!

– Как дела? – спросил Бершад.

– Много ампутаций, – ответил Кормо.

– А они точно нужны? – поинтересовался Бершад. – Помнится, ты заработал синие прямоугольники на щеках именно из-за излишнего пристрастия к ампутациям.

– Скорее, свои неверные решения я принимал из-за излишнего пристрастия к выпивке, – вздохнул Кормо. – А теперь стрелы, выпущенные из длинных баларских луков, крушат кости, как яичную скорлупу, и конечности приходится ампутировать. Зато после операции прекрасно действует противовоспалительная настойка мастера Джолана. Да, люди теряют руки или ноги, но остаются в живых.

Бершад кивнул.

– Хочешь, я извлеку из твоей спины ту парочку арбалетных болтов? – спросил Кормо. – Не люблю, когда работа сделана наполовину.

Они с Кормо впервые встретились после того, как Бершада превратили в дикобраза, напиговав его арбалетными болтами. Кормо удалось вытащить почти все, но два болта застряли в кости и до сих пор торчали из спины Сайласа.

– Ты в прошлый раз уже пробовал, – сказал Бершад, – чуть позвоночник мне пополам не разорвал.

– А теперь у меня есть специальные клещи.

Бершад только отмахнулся:

– Уж поверь мне на слово, иногда не стоит беречь старые раны.

Кормо пожал плечами:

– Ну, в этом ты, наверное, разбираешься лучше меня.

– А где сейчас обосновались Эшлин с Джоланом?

– Недавно что-то громыhalo в зерновых амбарах на задах крепости.

Оно и понятно – проводя опыты, Эшлин и Джолан пользовались различными громоздкими аппаратами, а зерновые амбары сейчас пустовали.

– Спасибо, Кормо. Ну, до встречи.

Бершад шел пустынными коридорами крепости, вспоминая, что в его детстве здесь всегда было множество людей. Он торопливо отогнал от себя эти мысли, чтобы не ухудшать настроения.

Дверь зернового амбара была закрыта, но не заперта. Бершад шагнул внутрь.

Посреди амбара на стуле сидела Эшлин, вытянув в сторону левую руку, повернутую ладонью вверх. Глаза закрыты, над головой зависли четыре шара размером с кокосовый орех, над левой бровью – свежая царапина.

Вытянутую руку от локтя до кончиков пальцев обвивали кольца черного металла – у локтя шириной в ладонь, на пальцах – узкие, как ободок перстня. В каждом кольце виднелись серые камешки магнитов разной величины, которые Бершад добыл из позвоночников уничтоженных аколитов. Нервное волокно призрачного мотылька, прикрепленное к запястью Эшлин, заставляло кольца вращаться по какой-то сложной системе.

– Осторожно с вертикальной полярностью третьего, – предупредил Джолан, прикрытый громадной драконьей чешуйкой, будто щитом. – Он начинает снижаться.

Бершад шагнул вперед, но Джолан жестом его остановил.

– Знаю, – сказала Эшлин, не открывая глаз и чуть растопыривая пальцы.

Кольца на указательном пальце и мизинце завертелись чуть быстрее, и один из шаров приподнялся вровень с остальными тремя.

– Отлично, – сказал Джолан. – Все выправилось. Можно добавлять пятый?

– Да.

Джолан вытащил из котомки еще один магнит и проверил вырезанные на нем знаки.

– На какой скорости?

– На полной.

– Знаешь, мне из-за прошлого раза как-то не по себе...

– Ничего страшного, от синяка под глазом не умирают.

Джолан пожал плечами и, размахнувшись, изо всех сил швырнул магнит ей в лицо.

Три кольца у запястья Эшлин с жужжанием завертелись, а магнит завис перед самым ее носом и застыл, будто подвешенный на невидимой нитке.

Кольца на пальцах медленно повернулись одно за другим, и пятый магнит поднялся над головой Эшлин на один уровень с остальными четырьмя.

– Ты их полностью контролируешь? – уточнил Джолан.

Эшлин кивнула:

– Дай мне за что-нибудь уцепиться.

Джолан подошел к столу, где лежали магниты разной величины, и переложил кое-какие на деревянный поднос.

Бершад никогда не понимал, что за опыты проводят Эшлин с Джоланом и как они это делают. Однажды ему попытались растолковать, что и как происходит, но он запутался еще больше, а Эшлин так разозлилась, что выбежала прочь из комнаты.

Потом Джолан все-таки ухитрился объяснить Бершаду простейшие принципы их работы.

И механизм на руке Эшлин, и аколиты Озириса Варда действовали при помощи магнитов. Единичный магнит мало чем отличается от обычного камешка. Два магнита могут притягивать или отталкивать друг друга. А вот из большего числа магнитов можно образовывать так называемые цепи, чтобы с их помощью совершать другие, весьма сложные действия. Именно так Эшлин управляла магнитами, парившими у нее над головой; именно так Озирис создал своих почти неразрушимых аколитов – их искусственные органы и позвоночник были усеяны магнитами.

Поэтому в первые недели войны Эшлин выдергивала хребты у аколитов с той же легкостью, с какой крестьянин выпалывает из земли сорняки.

По ее словам, это очень напоминало работу белошвейки: если обмотать невидимой магнитной нитью каждый магнит в контуре цепи вдоль позвоночника, а потом резко дернуть нить, то созданная Вардом схема разрушается, что даст Эшлин контроль над магнитами.

Поначалу казалось, что победа в войне близка: стоило Эшлин оказаться в нужное время в нужном месте, она бы разорвала аколитов в клочья, а из их магнитов сделала бы дополнительные кольца на руке.

Однако после событий в Фаллоновом Гнезде все изменилось.

Эшлин и Джолан укрылись в крепости Заповедного Дола, где вот уже три месяца занимались исследованиями, пытаясь понять, что пошло не так и как не допустить повторения этого кошмара.

Бершад очень надеялся, что они добились хоть каких-нибудь успехов.

Джолан выложил на поднос двадцать магнитов размером с виноградину. Все камешки были белыми, кроме одного черного в середине. Джолан поставил поднос на пол, к ногам Эшлин.

– Подожди, я подключу диагностику, – сказал он.

Джолан вернулся к столу и взял странное устройство, которого Бершад раньше не видел. Прибор размером с обеденную тарелку состоял из четырнадцати часовых циферблатов разного

диаметра, соединенных винтами, шестеренками и пружинами. С одной стороны торчала рукоять для завода, а наверху виднелись два медных выступа, напоминавших козлиные рога.

Из карманов своего одеяния Джолан достал два проводка и быстро обмотал их кончики вокруг каждого из выступов, затем обернул один провод вокруг черного магнита в центре подноса, а второй вставил в крошечный разъем на одном из широких колец у локтя Эшлин.

Он три раза крутанул ручку и отпустил ее. Диагностический аппарат с гудением завертелся. Ручка остановилась.

– Знакомый контур, – сказала Эшлин. – Это цепь из хребта аколита, которого Сайлас убил в Верманте?

– Да.

Эшлин кивнула, напряженно морща лоб. Диагностический аппарат умолк.

– Так, все готово. Можно начинать.

Джолан отсоединил прибор от кольца Эшлин и от магнита, потом снова прикрылся щитом из драконьей чешуйки и жестом попросил Бершада отойти за каменный столб.

– Приступай, – сказал он.

Кольца на руке Эшлин начали вращаться. Пять магнитов над ее головой сместились и теперь зависли над подносом. Как только они заняли свои места, Эшлин начала постепенно ускорять вращение колец на руке, так что комариный писк сменился пронзительным прерывистым ревом, походившим на безумные вопли лесных демонов.

Неудивительно, что в крепость больше никто не заходил.

Несмотря на бешено вращавшиеся кольца и оглушительный шум, черный магнит не двигался.

Эшлин облизала пересохшие губы. Со лба стекали ручейки пота. Над влажными волосами поднялся пар. Бершад учуял едкий запах усталости. Кольца на руке Эшлин продолжали крутиться, но в куда более сложном ритме.

Наконец черный магнит завертелся. Над ним завихрилась струйка дыма, потому что деревянный поднос обуглился от жара.

– Прогресс, – сказал Джолан.

Белые магниты задрожали. Черный магнит кружил на одном месте как юла, поднос затянуло дымом.

– Давай же подчиняйся, – пробормотала Эшлин. – Впусти меня.

Белые магниты с грохотом подпрыгивали, едва не падая с подноса.

А потом черный магнит замер.

– Стоп! Тьфу ты!

Внезапно магниты Эшлин с шорохом слиплись в комок.

– Упустила контроль, – сказала Эшлин. – Попытаюсь осторожно высвободиться.

Она скрипнула зубами. Комок магнитов потрескивал от напряжения. Металлические инструменты поползли к краю столешницы. Бершад ощутил ноющую боль в спине, где застряли два стальных арбалетных болта.

– Бесполезно! – крикнул Джолан. – Воспользуйся аварийным выключателем!

Эшлин выругалась, с огромным усилием повернула руку перед собой и сжала кулак. Кольца остановились. Магниты рассыпались по полу. Боль в спине Бершада исчезла.

Эшлин стошнило. Она схватила поднос с магнитами и отшвырнула его в угол.

– Черные небеса! – раздраженно воскликнула Эшлин. – Чтоб они провалились, все эти хребты мерзких тварей, вместе с Озирисом Вардом и его проклятой защитой.

Ее снова стошнило, потом она встала, схватила табурет и хрястнула им об стену; две табуретные ножки переломились. Эшлин глубоко вздохнула.

– Я не вовремя? – спросил Бершад, выходя из-за столба.

Эшлин обернулась. Раздражение исчезло с лица.

– Сайлас, ты здесь!

– Принес еще одну мерзкую тварь, – сказал он, тряхнув мешком.

Эшлин с отвращением уставилась на мешок, будто на змеиное гнездо, затем подошла к большому столу, усыпанному обрывками бумаги и катушками проволоки, взяла бурдюк с водой и жадно отпила.

– Все магниты на хребте целы? – уточнил Джолан.

– Да. Нелегкая работенка, между прочим, – ответил Бершад.

– Не спорю, просто те, которые ты принес перед этим, были так покорежены, что толку от них никакого.

– Тот гад разорвал мне все мышцы в левой ноге, так что я не стал с ним нянчиться.

Джолан порылся в мешке, достал оттуда металлические шары, штифты и скобы – всю ту дрянь, которую Озирис Вард запихивал в аколитов, чтобы сделать их неуязвимыми.

– Если бы вы не прекратили этот свой опыт, то выдрали бы арбалетные болты у меня из спины, – сказал Бершад, потирая плечо.

– Кормо до сих пор их не извлек? – спросила Эшлин.

– Нет. Они засели глубоко в кости.

Эшлин глотнула еще воды, подняла руку:

– Знаешь, я и сама могу их извлечь. Это просто, если находишься рядом с обломками металла.

– Спасибо, не надо.

– Почему?

Бершад пожал плечами:

– Так уже не больно.

Эшлин удивленно вскинула бровь и посмотрела на него, будто зная, что он врет, но не стала настаивать.

В общем-то, она была права. Он не хотел расставаться с болтами именно потому, что они причиняли ему боль. Постоянно. За свою жизнь он совершил столько преступлений, что боль воспринималась как справедливое наказание.

Джолан разложил магниты по кучкам на столе.

– Теперь у нас есть с чем работать, – сказал он, но без особого энтузиазма.

– Всегда рад помочь, – пробормотал Бершад.

– Аcolит тебя сильно искалечил? – спросила Эшлин.

– Не очень.

– Сколько мха ты принял? – поинтересовался Джолан.

– Немного.

– Щепотку? Десяток щепоток?

– Достаточно для того, чтобы спрыгнуть с крепостной стены на землю без вреда здоровью.

– Сайлас, не глупи. Джолану нужно знать, сколько божьего мха ты съел, чтобы точно рассчитать концентрацию раствора.

– Четыре щепотки, – буркнул Бершад.

Эшлин недоверчиво изогнула бровь.

– Ну ладно, семь, – признался он.

Она повернулась к Джолану:

– Готовь нейтрализующий раствор.

Джолан подошел к алхимическому столу у дальней стены и зажег горелку. В амбаре запахло кислотой и смолой. Бершад подавил рвотный спазм.

– Ненавижу эту гадость, – пожаловался он. – Когда я ее принимаю, дракониха на несколько дней исчезает. В прошлый раз пропала на целую неделю. Если мы хотим победы, то кочевница должна всегда быть со мной.

- Мы не добьемся победы, если ты превратишься в дерево, – сказала Эшлин.
- Ну так все равно когда-нибудь превращусь.
- Эшлин отшвырнула бурдюк на стол.
- Мы так и будем переругиваться при Джолане или найдем какой-нибудь укромный уголок? Давай-ка прекратим этот спор. А раствор тебе все равно вколют.
- Бершад вздохнул:
- Ладно.
- Великолепно, – сказала Эшлин, утирая взмокший лоб. – Симеон не ранен?
- Пару ребер сломал. Переживет.
- Он опять приволок головы? – спросил Джолан, не отрываясь от работы.
- Ага.
- Джолан покачал головой:
- Это негигиенично.
- Так попробуй его разубедить. У меня пока не получается.
- Нет уж, спасибо.
- Джолан добавил ложку густой черной смолы в кипящую жидкость.
- Эшлин пристально взгляделась в лицо Бершада:
- Что еще случилось?
- Я нашел способ добраться до Вергуна, – сказал Бершад, вспоминая слова Ригара о маркировке драконьих логовищ. – Но придется подождать, пока воинство не передислоцируется поудачнее.
- Даже не верится, что прославленный драконьер проявляет чудеса выдержки и терпения.
- Ну да, есть немного.
- Эшлин с улыбкой отошла к столу и принялась что-то записывать на обрывке бумаги.
- А почему в крепости теперь на одну башню меньше? – спросил Бершад.
- Извини, так получилось. Мы проводили опыт, а я потеряла сознание.
- Слушай, Эшлин, ты все время разрушаешь крепости. Может, тебе лучше проводить опыты в чистом поле?
- Ветер и влажность привносят дополнительные факторы и усложняют эксперимент. Поэтому для исследований в помещении мы разработали особые меры предосторожности.
- Аварийный выключатель?
- Да. Но сначала я должна перезагрузить систему.
- Она завертела кольца на руке в каком-то определенном порядке. Бершад решил подождать до конца и через минуту спросил:
- И сколько всего надо сделать поворотов?
- Тридцать семь, – ответила Эшлин, не прекращая своего занятия. – На создание прибора ушло двое суток, но теперь стало гораздо легче проводить опыты. И разрушений меньше.
- Наконец она повернула последнее кольцо. Устройство на миг заработало и тут же остановилось.
- Я могу закрыть систему самостоятельно, но она автоматически блокируется, если я теряю сознание. Кроме меня, ее способен открыть только Джолан.
- А почему только Джолан?
- Переглянувшись с молодым алхимиком, Эшлин ответила:
- Временная потеря сознания может перейти в постоянную кому. Если это произойдет, то Джолан сможет продолжить опыты.
- Но это же...
- Это обычная предосторожность. Я почти никогда не теряю сознания.
- Ты слишком рискуешь.
- А ты слишком часто прыгаешь с крепостных стен.

– Но это не значит, что я не прав.

– Это значит, что у тебя двойные стандарты.

Бершад вздохнул и не стал спорить.

– А вообще как успехи?

Эшлин оторвалась от своих записей и рассеянно почесала голову пером, оставив чернильное пятно на щеке.

– Ты сам видел.

– Может, лучше все-таки еще раз попробовать в чистом поле? Вдруг что-то получится?

– Ну конечно. Раз уж я не могу справиться с набором магнитов на подносе, то вполне готова сразиться с ордой серокожих. Отличная мысль, Сайлас. Спасибо.

– Эшлин, я понимаю, ты боишься повторения Фаллонова Гнезда, но...

– Давай ты больше не будешь так говорить.

– Как?

– Так, будто это просто несчастная случайность, – сказала Эшлин и, помолчав, добавила: – Из-за моей самоуверенности погибли восемьдесят семь воинов.

Эшлин с таким успехом расправлялась с аколитами, что, когда лазутчики сообщили о прибытии пятидесяти серокожих в Фаллоновом Гнезде, решила устроить полномасштабный штурм, считая, что это обеспечит перелом в войне с захватчиками.

Но угодила в ловушку.

В хребты аколитов, бывших в Фаллоновом Гнезде, оказалась встроена специальная защита. Когда Эшлин попыталась ее взломать, случилось то же самое, что недавно произошло в сарае. К сожалению, тогда у нее не было аварийного выключателя.

Воинов поблизости от Эшлин расплющили свои же доспехи. Бершаду понадобился целый фунт божьего мха, чтобы оправиться от ран. Сотни бойцов уцелели, но их посекло осколками, как Оромира.

Бершад сглотнул:

– Мы с Симеоном вернулись в Фаллоново Гнездо и убили вот этого аколита.

– Зачем вы туда сунулись? – спросила Эшлин.

– Гарнизон там почти не защищен. Все солдаты ушли на юг, в погоню за отрядами Виллема. А наши убитые так и лежат в поле. Им надо было вложить в рот раковины.

Эшлин помотала головой:

– Похоронный ритуал ничего не меняет. Это я их убила.

– Может, и так. Но мы ежемесячно теряем сотни людей, понимаешь? Мы не выигрываем войну, а терпим поражение, только очень медленно. Очень скоро у нас не останется бойцов.

– Если сейчас я приму участие в бою, мы потеряем еще больше людей.

Бершад оглядел сарай, вспомнил о лагере под стенами крепости, о безвременно погибших воинах и почувствовал, что его душит ярость.

– Но вы хоть чего-то добились? – спросил он.

– Трудно сказать, – ответила Эшлин. – Это ведь не дерево срубить. Тут больше похоже на рытье колодца вслепую: может, вода уже близко, а может, ее и вовсе нет. Так что не...

– Не прячься за всякими сравнениями, просто скажи: тебе помогает все это барахло, которое я сюда ношу?

Эшлин посмотрела на мешок:

– Я честно пыталась взломать систему, самыми разными способами. Все безуспешно. Не знаю, что там поменял Озирис, но у меня ничего не получается. Мы думали, что диагностический аппарат поможет, однако он просто позволяет взглянуть на проблему под другим углом, а не решить ее. Вдобавок я не могу увеличить число колец на руке до тех пор, пока не взломаю систему Варда, поэтому способна удерживать в воздухе только пять магнитов.

– Тогда ради чего я таскаю вам всю эту хрень? – спросил Бершад.

Помолчав, Джолан сказал:

– Я начал разбирать устройства, которые Эшлин не может взломать. – Он указал в угол сарая, где на столе виднелась груда разрубленных магнитов, медных шаров, шестеренок, проводов, горки какого-то порошка и металлические опилки. – Хочу сконструировать хоть что-нибудь, чем мы сможем воспользоваться.

– Для чего?

Джолан пожал плечами:

– Пока не знаю. Но у нас скопилось столько деталей, что из них наверняка можно что-нибудь соорудить. – Он снял настой с горелки и набрал жидкость в большой шприц. – Готово.

Бершад сложил руки на груди.

– Сядь, пожалуйста, – попросил Джолан. – Я сделаю тебе укол.

– Я бы сел, но наша невозмутимая королева расколотила табурет.

Эшлин укоризненно взглянула на него, и Бершад сдался. Выругавшись, он сел на холодный пол рядом с Джоланом. Алхимик закатал рукав на левой руке Бершада, встряхнул жидкость в шприце и поднес иглу к коже.

– погоди минутку, малец, – остановил его Бершад.

Джолан кивнул.

Бершад закрыл глаза, сосредоточился и мысленно обратился к драконихе, которая по-прежнему сидела на дайне у крепостной стены.

– Извини, детка, – пробормотал он. – Встретимся попозже, когда ты меня простишь.

Он кивнул Джолану. Тот вонзил иглу в руку Бершада и заполнил его вены огненной жидкостью, разлившейся по всему телу до легких и до самого сердца. Мысленная связь с кочевницей оборвалась. Звуки и ощущения, передаваемые драконихой, исчезли. Издалека донесся отчаянный драконий рев. Огромный дайн затрясся. Серокрылая кочевница взмыла в небо и скрылась вдали.

Бершад опустил рукав, остро ощущая пустоту внутри.

– Вечером Керриган должна вернуться из Данфара.

Эшлин подошла к сундуку, вытащила желтое пончо и надела его, тщательно прикрыв кольца на левой руке.

Поначалу Эшлин пыталась объяснить жителям Заповедного Дола, что ее волшебные умения – никакое не колдовство, а результат технологии и магнитных полей. К сожалению, ей никто не поверил, поэтому она стала скрывать устройство на своей руке.

Гораздо легче утаить от людей то, чего они боятся, чем объяснить им правду.

– Мы раздадим воинству провизию, а потом будем думать, как быть дальше, – сказала Эшлин. – Может, мы медленно проигрываем войну, но, пока у нас есть надежный источник поставок, время на нашей стороне. – Она указала на стол в углу. – А значит, у нас с Джоланом есть шанс отыскать верный путь к победе.

4. Эшлин

Лагерь Воинства Ягуаров

– Что за хрень? Как это вы потеряли четыре корабля с провизией?! – прорычал Симеон, навалившись на столешницу так, что доски заскрипели. – В Данфар отправились пять кораблей, а вернулся только один? Керриган, это не дело.

Эшлин, Бершад, Джолан и командиры отрядов Воинства Ягуаров встретились с Керриган в шатре под стенами крепости, чтобы распределить провиант. Симеона никто не приглашал, он явился сам.

– Заткнись, Симеон! – Керриган устало коснулась перевязанной головы и отпила горячий чай из кружки. – Я не простой пират, который лоханулся и не выполнил твоих приказов. И нечего тут мебель ломать!

Симеон злобно зыркнул на нее, но все-таки отошел от стола, а все кружки так и съехали по накренившейся столешнице.

– И на том спасибо, – сказала Керриган и повернулась к Эшлин. – В общем, на пути из Данфара мы напоролись на кое-какие неприятности.

Неприятности, как же. Ситуация складывалась аховая. Итог войны зависел от того, удастся ли Керриган наладить поставки продовольствия из Данфара. Без этого было невозможно прокормить ни войнство, ни жителей Дайновой Пущи.

– А что ты привезла на уцелевшем корабле? – спросила Эшлин.

– Во-первых, себя. Приятно видеть, что все вы радуетесь моему чудесному спасению. – Она презрительно посмотрела на собравшихся. – И глубоко скорбите о сотне людей, утонувших вместе с уничтоженными кораблями.

– Скорбь о погибших не вернет их к жизни, – заявил Симеон.

– Может, и так, но это были мои люди. Под моим командованием. И они погибли ради того, чтобы ты, скотина бессердечная, мог набить себе брюхо.

– Прекратите! – вмешалась Эшлин. – Да, сотня погибших – это горе, и Симеону не мешало бы выказать хоть какое-нибудь сочувствие. Но меня сейчас больше тревожит другое: эти корабли везли продовольствие, предназначенное для нескольких тысяч человек. Что у нас осталось?

Керриган облизнула губы:

– Сто ящиков паргосского зерна. Сто ящиков паргосского риса. Сто сорок три данфарские свиньи.

Она снова отпила чаю. Все молчали, ожидая продолжения, но Керриган просто устала на Эшлин.

– И все?

Помолчав, Керриган добавила:

– Как только мы заметили неболёт, я велела сбросить за борт почти весь груз и увела корабль в туман. Так мы и спаслись. Все остальные погибли, потому что оплакивали судьбу свиней, как лицедеи на подмостках.

– Надолго этого не хватит, – сказала Эшлин. – С такими запасами продовольствия мы протянем лишь до...

Она задумалась.

– Я уже все подсчитала, – вздохнула Керриган. – Если наши потери остались на прежнем уровне, еды для войска хватит меньше чем на месяц.

– Наши потери возросли на десять процентов, – сказала Эшлин.

– Тогда ровно на месяц.

– По-моему, это завышенная оценка, – заметил Джолан. – Риса хватит только на...

– Ты недооцениваешь свиней, – оборвала его Керриган. – Данфарские свиньи вдвое крупнее тех недокормышей, которых выращивают здесь, в джунглях.

Джолан закусил губу:

– А, ну тогда конечно. Значит, на месяц.

– Дело даже не в этом, – добавила Керриган. – А в том, что мы лишились последнего безопасного маршрута. Его теперь патрулируют неболёты. Эшлин, я больше не могу доставлять продовольствие в Дайновую Пущу.

Воцарилось молчание. Виллем почесал нос, несколько раз нерешительно открыл рот и в конце концов заговорил:

– Завершить войну за месяц можно лишь в том случае, если в лоб атаковать неболёты и серокожих. Эшлин, мы все помним, что произошло в Фаллоновой Усадьбе, но вы с Джоланом уже несколько месяцев проводите опыты в Заповедном Доле. Может быть, вы нашли какое-нибудь решение?

Все с надеждой посмотрели на Эшлин.

– У меня нет простого ответа на этот вопрос. Мы теперь гораздо лучше понимаем, как работают устройства Озириса Варда.

– А если бы сейчас в шатре появился серокожий, ты смогла бы его убить? – спросил Оромир.

Не имело смысла лгать.

– Нет.

– И любая твоя попытка привела бы к тому, что погибли бы мы все?

– Да, все, кроме меня и Симеона, – внезапно заявил Бершад.

– Тебе смешно?! – накинулся на него Оромир.

– По-моему, неплохая шутка.

– Рад за тебя. По-твоему, это смешно, если бойцы начнут оставлять свои посты и бежать в чашу, потому что остались без еды?

– Если начнут бежать в чашу, это не страшно, – серьезным тоном ответил Бершад. – Голодный воин все равно что разбойник. Очень скоро наше воинство превратится в банду отчаянных разбойников. Хорошо вооруженных разбойников.

– А почему же ты над этим смеешься?

– Потому что у нас пока еще есть и другие варианты. Очень скоро Фельгор и Кочан вернутся из Незатопимой Гавани. Я должен встретить их в Прели.

Виллем фыркнул:

– Сайлас, а почему ты думаешь, что два баларских лазутчика чем-то нам помогут?

– Потому что именно для этого я и послала их в Незатопимую Гавань, – ответила Эшлин. – Найденные нами устройства Озириса Варда не позволяют понять принцип их работы, поэтому Фельгору необходимо напрямую разузнать о них как можно больше.

– Ага, – буркнул Виллем. – А может, он целый месяц сидел в какой-нибудь таверне, хлебал пиво и трахался до посинения.

– Не стану тебя переубеждать, но, по-моему, на Фельгора можно положиться, – возразил Бершад. – Он меня еще ни разу не подводил.

– Еще ни разу не подводил, а сейчас возьмет и подведет, – вздохнула Керриган.

– Ты тоже решила меня подкалывать? – спросил Бершад. – Взяла пример с Оромира?

– Ну, ты же в серьезных разговорах всегда ерничаешь, а мне нельзя, что ли?

– А, тогда конечно.

Джолан кашлянул:

– Знаете, а ведь мы кое о чем забываем. Продовольствие из Данфара предназначалось и для жителей Заповедного Дола. Если отдать всю провизию воинству, чем будут кормиться простые люди?

Все снова посмотрели на Эшлин.

– Так или иначе, войну надо ускорять. Для этого нам придется уйти из Заповедного Дола и не возвращаться сюда до самого конца войны. Местные жители – это дети, старики и инвалиды, – напомнила она. – Им мы и отдадим все продовольствие. Абсолютно всё.

– А мы как? Будем питаться надеждой и обещаниями? – спросил Оромир.

– Проживем на подножном корму, – сказал Бершад.

– В это время года искать подножный корм в Дайновой пуще так же опасно, как выходить на схватку с серокожим, – напомнил Виллем. – Будут гибнуть люди.

– Лучше всего, если все воинство пойдет со мной в Прель, – сказал Бершад. – Можно объяснить им, что это поможет быстро отреагировать на любые сведения, которые доставит нам Фельгор.

– А что это даст на самом деле?

– Предотвратит дезертирство и подавит возможное недовольство среди воинов, – заявил Симеон. – В моем присутствии они на это не решатся.

Бершад пожал плечами:

– Тоже правда.

Керриган вздохнула:

– Вдобавок в Незатопимой Гавани полным-полно еды, а защищать ее некому, потому что вся вражеская армия отправлена в Дайновую Пушу. В столице легко могут начаться беспорядки.

– Ну, пусть они сами с этим разбираются, – заметил Бершад.

– Надо же, мы теперь заняли позицию морального превосходства, – сказала Керриган.

– Одним моральным превосходством победы не добьешься, – сказала Эшлин. – Значит, уходим в Прель. Всем войском.

Керриган снова вздохнула:

– Что ж, будем надеяться, что Фельгор не подкачает.

5. Кочан

Незатопимая Гавань, кофейня «Хитрый ворон»

– Оставь в покое уши, – сказал Фельгор, отпив кофе.

Кочан даже не заметил, что тербит ухо. Он поспешно опустил руки на столешницу и сказал:

– Ну извини. Просто они какие-то странные. Я боюсь, что люди заметят.

– Они заметят, только если ты будешь их все время дергать, как мальчишка пиписку. – Рыгнув, Фельгор добавил: – Расслабься.

– Расслабься? – переспросил Кочан. – Ты шутишь, что ли?

В кофейне было много баларских офицеров в мундирах военного флота. Многие пили кофе, некоторые – дорогой заморский чай или можжевелевую водку. У всех на поясе висели палаши.

Фельгор и Кочан тоже были в мундирах. Краденых.

– Волноваться нам не о чем. – Фельгор подтянул к себе пустой стул и водрузил на него ноги в начищенных до блеска сапогах. – Синие татуировки на твоих щеках замазаны гримом, а уши тебе сделала сама Эшлин Мальграв. Никто ничего не заметит, гарантирую. Я тебе рассказывал, что своими глазами видел, как она взорвала костяной частокол на острове Призрачных Мотыльков...

– Рассказывал, – вздохнул Кочан; если бы ему пришлось еще раз выслушивать рассказы Фельгора о том, как Эшлин взрывала костяной частокол или как они с Бершадом Безупречным проникли в императорский дворец Бурз-аль-дуна по клоаке, то он оторвал бы свои накладные уши и заткнул ими глотку баларского вора. – Да понял я, понял. Уши не трогаю. – Кочан снова оглядел кофейню. – А где Брутус?

– Опаздывает.

– Он уже на сорок три минуты опаздывает.

– Если честно, то я у него часы украл.

– Как украл? – прошептал Кочан. – Зачем?

Фельгор пожал плечами:

– Ради смеха.

Кочан снова потянулся к уху, но вовремя спохватился и скрестил руки на груди. Судя по всему, от подельника можно было ждать только неприятностей.

– Вообще не понимаю, зачем я здесь, – пробормотал он себе под нос.

– Ты здесь потому, – сказал Фельгор, – что, несмотря на разношерстный состав нашего воинства, мы с тобой единственные в нем люди с убедительным акцентом шестеренчиков.

– Кормо говорит с таким же акцентом, – напомнил Кочан.

– Ну да, но Кормо слишком разжирел, так что на офицера вовсе не похож. Вдобавок у него карие глаза и нос пуговкой.

Кочан покрепче сжал себе бока.

– Тогда ладно.

– Пей кофе.

– Нет, не буду, – сказал Кочан, глядя на теплую жидкость в кружке. – Меня от него... ну ты знаешь.

– Ага, знаю. Но ты такой зажатый, что тебе не помешает хорошенько просрать.

– Со мной все в порядке.

– Ну и хорошо. Кстати, сейчас в сортир бегать некогда: вот и наш приятель пожаловал.

Фельгор указал на дверь в кофейню, куда как раз вошел капрал Брутус, основательно вымокший под дождем. В руках он сжимал вместительный кожаный саквояж. Лицо Брутуса выражало смесь возбуждения и жуткого страха.

– Брутус! – завопил Фельгор и, вскочив со стула, замахал руками. – Я тебе место занял!

Брутус смущенно оглядел кофейню и, сторбившись под взглядами посетителей, побрел к столу.

– Ты чего орешь во все горло? – прошипел он Фельгору.

– Я вице-командор, – ответил Фельгор. – Как хочу, так и ору.

Брутус покосился на золотые часики на погонах Фельгора, будто напоминая себе, что перед ним действительно высокопоставленный офицер неболёта «Мгновенная ценность», который осуществляет доставку ресурсов из Баларии в башню Варда. Весьма ненапряжная работа.

К их столику подошла подавальщица в облегающем черном наряде – темноволосая, как все альмирицы, и с холодным выражением лица, присущим местным жителям, которые смирились с оккупантами в родном городе.

– Что пить будете? – спросила она Брутуса.

– Можжевеловую водку, – ответил он.

– С лимоном или с лаймом? Или с газировкой?

– Нет, только водку, и налей побольше! – рявкнул Брутус.

Подавальщица изогнула бровь и молча отошла к барной стойке за заказом.

– А повежливее нельзя? – спросил Фельгор. – Если будешь так себя вести, то все альмирицы решат, что мы, шестереночники, – невежи и варвары.

– Мне плевать, что о нас думают всякие грязеголовые дикари, – сказал Брутус, утирая испарину со лба.

– Ну, эту красоту я бы дикаркой не назвал, – заявил Фельгор, провожая взглядом подавальщицу, которая тем временем принимала заказы у других посетителей.

Брутус молчал, а как только ему принесли можжевеловую водку, схватил стакан обеими руками, в три глотка выхлебал половину и нервно спросил:

– А меня точно к тебе переведут?

Фельгор посмотрел на него и вздохнул:

– Не сомневайся, все получится. Я уже не первый раз выдергиваю офицеров из горячих точек. Мне никто не помешает.

– Уф, – с облегчением сказал Брутус. – Это хорошо. Сил больше нет летать в эти проклятые джунгли. На прошлой неделе драконы растерзали два неболёта, а нам пришлось вернуться и бомбить обломки, чтобы они не достались мятежникам. Представляете, драконы в ключья раздирают неболёт, а мы летим в то же самое место?

– Да уж, не позавидуешь. Ну, у нас маршруты без приключений, – сказал Фельгор. – Но к себе в экипаж я беру людей не за красивые глаза.

– Знаю. Я все принес. Все, до последнего грошика.

– Деньги – это хорошо, – кивнул Фельгор. – Просто замечательно. Но мы договаривались и еще кое о чем.

– Да-да, о документах, – согласился Брутус. – Не пойму только, зачем тебе все это. Между прочим, их было очень сложно раздобыть. Я сильно потратился на подкуп одного из Вардовых инженеров.

– А тебе знать об этом ни к чему, капрал, – вмешался Кочан, как и договаривались (вице-командору не пристало отвечать на подобные просьбы; заместитель обязан их жестко пресекать. Фельгор настаивал на этом с самого начала и даже заставил Кочана репетировать). – Твоя задача – доставить нам то, о чем мы просили. Если у тебя нет этих документов, то и говорить не о чем.

Брутус сглотнул. Он так отчаянно хотел оказаться подальше от военных действий, что проглотил обман Кочана с той же жадностью, с которой глотал можжевелевую водку.

– У меня все с собой.

– Отлично! – сказал Фельгор. – Дай-ка взглянуть.

Брутус хлебнул водки и открыл саквояж, набитый аккуратными стопками бумажек.

Фельгор вытащил документы, быстренько их просмотрел и улыбнулся:

– Молодец, Брутус. Все в полном порядке.

– Все в порядке, только если документы подлинные, – добавил Кочан. – Если мы обнаружим хоть один фальшивый, тебя арестуют за государственную измену и отдадут Озирису Варду для опытов.

Те, кто не исполнял приказы или получал тяжелые ранения на поле боя, очень часто исчезали в башне замка Незатопимой Гавани. Никто точно не знал, делает ли Вард своих жутких аколитов из обычных людей, но никто не горел желанием на своей собственной шкуре убедиться в правоте этих слухов.

– Нет-нет, все в полном порядке, – торопливо заверил его Брутус. – Это документы из кабинета Варда.

Он так боялся стать подопытным Озириса Варда, что даже не задумался, почему его вдруг будет наказывать тот самый человек, у кого эти документы украдены. Как обычно, страх делает человека полным идиотом.

– Разумеется, я тебе верю, – сказал Фельгор. – Что ж, а теперь, когда дело сделано, тебе больше не о чем беспокоиться. Я немедленно займусь твоим переводом. В самом скором времени ты получишь новый приказ.

– А можно побыстрее? – заныл Брутус. – Через три дня нас снова отправляют в Дайновую Пушу.

– Приказ издадут гораздо раньше, – заявил Фельгор и встал из-за стола.

Кочан, одернув мундир, последовал его примеру, продолжая играть роль преданного заместителя.

Фельгор швырнул на стол несколько монет – намного больше, чем стоил общий заказ.

– Посиди тут пока, капрал, – сказал он Брутусу. – Выпей за мой счет. Теперь тебе ничего не угрожает. Будешь летать в чистом небе, перевозить зерно и всякие прочие безопасные грузы. Честное слово.

– Ох, и попал же придурок, – сказал Фельгор, выйдя из кофейни.

– Вот уж точно, – согласился Кочан.

Фельгор свернул на главную улицу и повел Кочана на восток, к центру города.

– Может, лучше пойти к городским воротам? – спросил Кочан. – Карты на прошлой неделе ты украл, нужные документы тоже у нас. Пора возвращаться в Дайновую пушу.

– Не спеши, Кочан.

– А что нам здесь еще делать?

– Тратить деньги, полученные от Брутуса. В Дайновой пуще на них ничего не купишь, кроме гнилого риса и жареных личинок. А в городе за эти деньги получишь море удовольствия. Особенно если ты баларский военный моряк.

Кочан сообразил, что они идут в Туманный квартал, где находился любимый бордель Фельгора.

– Нет уж, в «Орлиное гнездо» мы не пойдем!

– Еще как пойдем, – возразил Фельгор. – Это же совсем рядом, вон там, за углом.

Они шли по улице, мимо баларских солдат и инженеров. В столице почти не осталось альмирцев, потому что все местные жители сбегали либо в долину Горгоны, либо в Дайновую пушу.

Причиной этого массового бегства были аколиты Озириса Варда; на ближайшем перекрестке как раз и стоял один из серокожих монстров.

У Кочана все скукожилось внутри. Жуткие чудища внушали всем невольный страх. Аколит на перекрестке был вполонину выше обычного человека; во лбу у него торчали два круто загнутых рога из драконьей кости. Никакого оружия у серокожего не было, но все знали, что при малейшей угрозе из его кулаков высунутся острые шипы всё из той же драконьей кости, способные разрезать любой доспех, будто масло. Кочан видел это своими глазами.

Аколиты охраняли все главные перекрестки и в Незатопимой Гавани, и в других захваченных городах Терры. Они никогда не отвлекались, не спали и не ели, провожая прохожих внимательными бесстрастными взглядами, и убивали любого, кто пытался как-то сопротивляться.

Неудивительно, что коренные жители покинули Незатопимую Гавань.

Как только они отошли на безопасное расстояние от аколита, Кочан немного успокоился и решил все-таки отговорить Фельгора:

– Послушай, в прошлый раз ты трое суток там прохлаждался!

– Прохлаждался? Я проводил там важные исследования, в результате которых мы познакомились с Брутусом. Помнишь, он жаловался куртизанке, что боится вылетать на боевые задания, и тем самым дал нам возможность получить ценную секретную информацию.

– А вдруг мы снова там с ним столкнемся?

– Это вряд ли. Все его сбережения у тебя в кармане.

Кочан сглотнул. Отправляя его в Незатопимую Гавань, королева Эшлин строго-настрого велела приглядывать за Фельгором, который часто попадал во всевозможные передраги. Десять лет на острове Призрачных Мотыльков Кочан утихомиривал разбушевавшихся пиратов, поэтому решил, что легко справится с баларским воришкой.

Выяснилось, что он ошибся.

– Ладно. Давай поужинаем и пропустим пару рюмочек, – сказал Кочан, думая, что Фельгора, возможно, удастся потом отговорить, если с самого начала ничего не запрещать. – А потом отправимся в Дайновую пущу.

– Естественно, – согласился Фельгор. – Наедемся до отвала, а потом полетим, как баларские стрелы, – прямо домой.

6. Вира

Незатопимая Гавань

Едва «Синий воробей» завис над взлетно-посадочным помостом, Вира спустила канат и скользнула вниз, чтобы не дожидаться трехминутной процедуры посадки.

Ей не терпелось побыстрее попасть к Каиру, которую она так давно не видела, поскольку все это время приходилось исполнять поручения Озириса Варда.

Широкие доски посадочного помоста, установленного на среднем ярусе Башни Королевы, крепились к тяжелым балкам и оставляли в глубокой тени семь городских кварталов.

Озирис велел соорудить помост в тот же день, когда взял под свой контроль армаду небо-лётот. Невзирая на масштаб строительства, его удалось завершить всего за несколько недель. Бригада аколитов неустанно трудилась на лесах, возведенных вокруг замковой башни.

Закончив постройку помоста, аколиты взялись за сам замок Мальграв, и в итоге он преобразился до неузнаваемости. Западную башню приспособили под казарму для Змиерубов. Восточную башню, наполовину разрушенную странным пожаром еще при Эшлин, превратили в огромный резервуар. В стенах башни, сложенных из гладкого темного камня, не было ни единого окна, а над верхушкой то и дело зависал неболёт-сборщик, по толстому каучуковому шлангу сливая внутрь драконье масло.

А уж что сделали с Башней Короля...

Внутри самой башни Озирис устроил десятки мастерских и лабораторий, потом добавил к ним новые, вздувшиеся на стенах, как волдыри на обожженном теле, а когда на стенах места не осталось, начал надстраивать ярусы башни. Теперь ее тень пересекала весь город, оканчиваясь далеко за внешними городскими стенами.

На самой вершине башни высился огромный черный купол. Никто не знал, что происходило внутри, но туда непрерывным потоком доставляли ценное сырье из-за границы. Никель, свинец и медь добывали в Листирии и переплавляли в кузнечных печах северной Баларии. В небесах над Галамаром и Данфаром отстреливали драконов, чтобы отправить их скелеты Варду. В северной оконечности Дайновой пуши собирали натуральный каучук, а из драконьих логовищ на юге привозили неизвестные растения.

И все это направлялось в Незатопимую Гавань. В эту самую башню.

Вард завоевал всю Терру, чтобы получить все необходимое сырье для создания своих неведомых устройств.

Каиру поместили в оранжерею, на несколько этажей ниже купола. Торопливо шагая по помосту, Вира взглянула на высокое узкое окно оранжереи и едва сдержалась, чтобы не перейти на бег.

В Башню Королевы вела огромная круглая дверь, врезанная в толстые каменные стены. Вира взбежала по лестнице, быстрым шагом прошла несколько длинных коридоров и добралась до моста, ведущего в Башню Короля. Там тоже было много лестниц и коридоров со множеством дверей, запертых баларскими замками и охраняемых аколитами. Виру беспрекословно пропускали повсюду, так что ее сопровождали лишь хриплое дыхание серокожих и скрежет металла.

Наконец она добралась на этаж под оранжереей, с трудом перевела дух и утерла вспотевший лоб. У лестницы, ведущей в оранжерею, Вира достала личный ключ-пропуск, позволявший пройти в покои Каиры, точнее – в ее персональную лечебницу.

Двери лечебницы охранял огромный аколит, совершенно незнакомый Вире. Она замерла.

Серокожий был такого громадного роста, что не поместился бы в обычное помещение замка. Но оранжерея занимала не один, а три этажа; потолочные перекрытия в них давно разо-

брали, чтобы высадить персиковые и апельсиновые деревья в толстый слой почвы и дерна на полу.

Еще недавно Эшлин Малыграв любила проводить здесь свои аудиенции. Теперь же тут разместились лечебница Каиры, накрытая куполом высотой в два этажа. Макушка охранника-аколита была почти вровень с вершиной купола.

– Что ты здесь делаешь? – спросила Вира, сделав шаг вперед.

– Защита императрицы.

Вира уставилась на аколита: руки толщиной с древесные стволы, пальцы-морковки. Настоящий великан.

– Прочь с дороги! – велела она.

– Защита императрицы.

– Я – вдова Вира, личная телохранительница императрицы.

Мышцы на руках аколита напряглись и дрогнули, но было неясно, понял ли он ее слова. Из-за плеча Виры донесся знакомый голос:

– А, ты уже познакомилась с аколитом семьсот девять!

Она обернулась. Позади стоял Озирис Вард, в новом камзоле из драконьей шкуры – длинном, до колен, сшитом из белой кожи призрачного мотылька. С собой Вард привел трех инженеров, в таких же нарядах.

– Что здесь происходит? – прошипела Вира.

Озирис недоуменно наморщил лоб:

– Ты же не стала бы в свое отсутствие лишать императрицу охраны. – Он указал на серокожего великана. – Семьсот девятый – одно из моих самых успешных творений. Он выращен на новом питательном растворе, с гормонами роста, увеличившем его силы втрое и...

– Меня это не интересует. Пусть убирается восвояси, немедленно!

Озирис склонил голову.

– Да-да, конечно. – Он щелкнул пальцами и сурово скомандовал: – Семьсот девятый, спать!

Аколит напрягся:

– Слушаю и повинуюсь, хозяин.

Серокожий великан отошел к стене, присел на корточки под раскидистым апельсиновым деревом, закрыл глаза и захрапел.

– Я хочу, чтобы он вообще убрался отсюда!

Озирис поморщился:

– Вывести его отсюда очень и очень непросто. Для этого либо ему придется уничтожить часть замка, либо мне придется уничтожить аколита. Что ж, если ты настаиваешь, я готов. Но ведь страж, круглосуточно, не смыкая глаз охраняющий покои Каиры, представляет собой определенную ценность.

Вира закусила губу. Ладно, с этим можно разобраться и позже.

– Хорошо. А сейчас я хочу увидеть Каиру.

– Разумеется. – Озирис жестом подозвал своих инженеров. – Как только мы узнали о приближении «Синего воробья», то начали подготовку к отсоединению дыхательного аппарата Каиры. Пойдем.

В палате под куполом было влажно и жарко. Вира сразу же вспотела.

Каира лежала на возвышении посреди комнаты, там же, где Вира ее видела перед отъездом.

Но теперь Каира выглядела совсем иначе.

Раньше, хоть и в коме, она казалась здоровой, просто спящей. А сейчас губы у нее посерели, щеки впали, а темные круги под глазами напоминали синяки. Тонкие повязки крест-накрест обвивали ее торс и бедра, а в грудь с обеих сторон уходили черные трубки, размеренно

подающие воздух в легкие. От этого грудь легонько вздымалась и опускалась, но в остальном Каира была неподвижна, будто ее место заняла какая-то восковая статуя, а настоящую, живую женщину спрятали в потайной комнате.

– Как ты мог довести ее до такого состояния? – воскликнула Вира.

– Ты о чем? – удивился Озирис, вглядываясь в какой-то прибор. – Кровяное давление в норме. Все органы функционируют нормально. Новый дыхательный аппарат поддерживает ее глотку и ротовую полость в отличном состоянии.

В отличие от ужасающего обличья Каиры, все машины и механизмы вокруг полнились движением и яркими красками. С потолка свисали баки размером с пивные бочки, наполненные зеленой жидкостью, неспешно перемешиваемой в ритме искусственного сердцебиения, которое сопровождалось металлическим лязгом. По полу и стенам тянулись медные и стальные трубы, которые заставляли вращаться лопасти в баках. Затем жидкость из баков по каучуковым шлангам поступала в изувеченное тело Каиры.

– В отличном состоянии? Да краше в гроб кладут!

Озирис оторвался от изучения приборов и мельком посмотрел на Каиру:

– Физическое обличье – не показатель состояния здоровья образца.

– Не смей называть ее образцом!

Озирис коротко кивнул:

– Уверю тебя, она вполне здорова.

Вира подошла к возвышению, сняла перчатку и приложила ладонь к щеке Каиры. Несмотря на жару, кожа была холодной. Вира недовольно поморщилась:

– Почему она такая холодная?

– Прежде чем восстанавливать нервные окончания, необходимо значительно понизить температуру тела, – ответил Озирис. – С твоего позволения, мы готовы начать.

Вира ласково сжала руку Каиры и отступила от возвышения:

– Начинайте.

– Вот и славно.

Озирис дал сигнал инженерам, и они, переходя от одного аппарата к другому, стали настраивать всевозможные инструменты и записывать показания приборов.

– Тебе лучше отойти вон туда, – сказал Озирис, указывая на единственное место у стены, свободное от механизмов. – Надеюсь, тебе понравится визуализационный модуль, который я специально создал для наглядного воспроизведения процесса, – продолжил он. – Я изобрел его в ходе своих волоконных исследований.

Вира промолчала. Она привыкла оставлять без внимания его малопонятные разглагольствования и даже не пыталась разобраться, как именно работают все эти странные приспособления.

Ее не интересовало, как они действуют. Больше всего на свете она хотела избавиться от них Каиру.

С купола опустились какие-то черные нити, под действием невидимой силы зависли в воздухе, потом сплелись и приняли форму позвоночника. Вира удивленно уставилась на них:

– Это позвоночник Каиры?

– Да, наглядная модель, – подтвердил Озирис, восхищенно рассматривая свое творение. – Видишь вот эти волокна? – Он указал на тончайшие волоски, оплетающие позвоночник, будто отростки корней. – Это нервы. Они разорваны – здесь, здесь и здесь. – Он подошел к прямоугольной приборной доске, усеянной сотнями циферблатов, кнопок, рычажков и датчиков. – Ферментация заживляющего стероидного раствора завершена, – объявил он, быстро щелкая рычажками. – Посмотрим, срastутся ли разорванные нервные окончания.

Он покрутил какие-то рукоятки и дернул рычажок из красного металла.

Жидкость в баках забурлила и потекла в каучуковые шланги, соединяющие Каиру с аппаратами.

– Наблюдается небольшое увеличение активности рецепторов императрицы, – сказал один из инженеров. – Взгляните.

Вира посмотрела на модель из волокон. Тончайшие волоски действительно зашевелились чуть быстрее.

– Но они не срываются, – заметила она.

– Надо им помочь. – Озирис нажал какие-то кнопки на приборной доске и обернулся к инженерам. – Отсоединяйте дыхательный аппарат.

Два инженера встали у боков Каиры, руками в перчатках взяли за шланги, торчащие из ее груди, и одновременно повернули. Раздался металлический щелчок. Вира поморщилась. Инженеры отсоединили шланги, осторожно уложили их на подставки, а потом вернулись на свои места.

– Засеките время, – сказал Озирис.

– Засаекаю, – ответил инженер. – Пошел двухминутный отсчет.

Вира не сводила глаз с Каиры, до боли сжав кулаки и безмолвно взывая к небесам в тщетной надежде, что волею звезд легкие Каиры исцелятся.

– Активность рецепторов повышается, – доложил инженер. – Имеет место реакция организма.

Озирис молча продолжал крутить рукоятки и щелкать рычажками. Все аппараты в палате ожили. От гула и гудения у Виры заломило зубы.

– Вижу сплетение! – напряженно произнес инженер. – Вот здесь.

На модели действительно сплетались два тонюсеньких волоска, наливаясь здоровым зеленым свечением.

– Подтверждаю, – добавил второй инженер. – С моей стороны наблюдается такая же картина.

– Значит, подействовало? – спросила Вира.

– Это первоначальная положительная реакция на стероидную терапию, – пояснил Озирис. – До полной функциональности еще далеко.

Вира покосилась на часы – оставалось меньше минуты. На модели теперь светились уже семь или восемь сплетенных волосков. Щеки и губы Каиры порозовели.

Ох, ну хоть бы сработало...

Однако сияющих зеленым волокон не прибавлялось.

– Начало положено, – сказал один из инженеров и, помолчав, добавил: – Но дальнейшего развития не наблюдается.

Озирис недовольно скривился:

– Начинайте мануальную стимуляцию. Второй уровень.

– Второй уровень, – повторил инженер. – Заряжаем аппарат.

Вира отвернулась, зная, что сейчас произойдет.

Стимуляционный аппарат заряжался, пронзительно попискивая, будто комар над ухом.

– Готово, – сказал инженер.

– Исполняйте.

Послышался хлопок. Пальцы Каиры беспорядочно задергались.

– Еще раз.

Новый хлопок. Новые подергивания.

– Достаточно.

Пальцы Каиры замерли. Все устали на волокна. Прошло десять секунд, но ничего так и не случилось.

Затем волокна, одно за другим, охватило зеленоватое свечение, и вскоре засияла вся модель позвоночника.

– Наконец-то, – еле слышно прошептала Вира.

Но через миг свечение угасло.

– В чем дело? – спросила Вира.

Озирис не ответил, торопливо крутя рукоятки на панели управления. Затем он бросился к соседнему прибору, подергал его рычаги, после чего подбежал к противоположной стене и вдавил в пол какие-то педали.

– Рецепторы дегенерируют, – объявил инженер.

– Знаю, – огрызнулся Озирис, а затем обмакнул палец в чан, попробовал содержимое на вкус, почмокал и сплюнул на пол. – Нервные окончания не сращиваются.

– Почему?! – воскликнула Вира.

– Незвестно. – Озирис обвел взглядом палату. – Попробуйте стимулировать их экстрактом заразики...

– Скорость дегенерации увеличивается, – сообщил инженер.

– Токсичность каскадно ускоряется, – добавил другой.

Теперь все волокна почернели и обмякли, как дохлые ужи.

– Две минуты истекли, – объявил инженер.

– Знаю, – напряженно сказал Вард. – Прекратите подачу целительных растворов. Подключите императрицу к дыхательному аппарату. Немедленно.

Инженеры бросились исполнять приказ. Два металлических щелчка – и Каиру снова подключили к устройству.

– Уберите визуальную модель и покиньте помещение, – велел Озирис.

Черные волокна расплелись и взмыли под потолок. Вира и Озирис молчали, пока не остались вдвоем.

– Что произошло? – прошипела Вира.

– Скорее всего, регенерационная жидкость недостаточно очищена. – Вард обвел рукой множество баков, подвешенных к потолку. – Несмотря на все наши усилия, нам не удастся добиться необходимой чистоты.

– Какой еще чистоты? Я облепила раны Бершада комками грязного речного мха, и все зажило через неделю.

– Другое ранение. Другой обра... – Он осекся и продолжил: – Человек.

– В каком смысле другой?

– Если сломать кость, то ее нужно просто зафиксировать и дожидаться, чтобы она срослась. А ты когда-нибудь видела, чтобы парализованный человек обрел возможность двигаться без посторонней помощи?

– Нет, – сказала Вира. – Но, по слухам, такие случаи были.

Озирис недоуменно наморщил лоб:

– Ты о чем?

– В Листирии три разных человека рассказали мне одну и ту же историю. Мальчик упал с крыши и три дня не чувствовал ног. Откуда-то из глуши пришла старуха, напоила его каким-то эликсиром, и через сутки мальчик смог ходить самостоятельно.

Эту историю Вира слышала от двоих, а третий утверждал, что старуха была ведьмой, которая заколдовала мальчика, превратив его в полудемона, способного разговаривать по ночам с Млечными Драконами.

– Я что, послал тебя в Листирию слушать байки крестьян про увечных детей?

Вира скрипнула зубами. Озирис всегда менял тему беседы, если она ему не нравилась.

– Нет, ты послал меня в Листирию убить мятежного губернатора в Кушель-Кине. После этого я поговорила с крестьянами.

– Губернатор сопротивлялся?

Губернатор умер, так и не заметив присутствия Виры в своих покоях.

– Дело не в губернаторе. Меня больше интересует старуха.

Озирис небрежно отмахнулся:

– Она дала ребенку противовоспалительную настойку. Он бы все равно оправился через неделю, старуха просто немного ускорила события. Такое часто бывает. Мы имеем дело с совсем другой ситуацией.

– Я хочу, чтобы Каиру отключили от этих аппаратов. Немедленно.

– Не забывай, что поспешные действия для нас очень рискованны. Каира в любое время может трансформироваться.

Спустя несколько дней после ранения Каиры Вард объяснил, что именно представляет опасность для таких особенных людей, как она и Бершад. Вира решила, что Озирис все выдумал, – невозможно представить, чтобы человек превратился в дерево, хотя, конечно же, в мире полным-полно вещей, которые невозможно представить, но они все-таки существуют.

Если Вард говорил правду, Вира не могла так рисковать жизнью Каиры.

– Сайлас получил тысячи жутких ран и ни во что не трансформировался.

– Ох, ты опять за свое? Повторяю, Каира существенно отличается от своего брата. У Сайласа Бершада врожденная устойчивость к трансформации, а еще он на удивление восприимчив к моему препарату, подавляющему трансформационный процесс. Когда я работал с Бершадом в Бурз-аль-дуне, одна-единственная инъекция препарата позволила мне провести целый ряд серьезных операций, которые в обычных условиях вызвали бы трансформацию, но этого не произошло. У Каиры такой устойчивости нет. Для того чтобы я мог предпринимать малейшие попытки регулировать деятельность ее организма, требуется постоянная циркуляция высококонцентрированного подавляющего препарата в ее крови, чтобы предотвратить начало трансформации. – Вард указал на шланг, соединенный с левым запястьем Каиры. – Если я прекращу подачу раствора, то, поверь, Каира превратится в дерево. Мы вынуждены действовать медленно и очень осторожно.

Озирис Вард еще полгода назад говорил то же самое об опасности, грозящей Каире. Буквально теми же словами. На выполнение заданий Варда Вира отправилась по одной-единственной причине: она ему не верила, но хотела заручиться доказательствами его лжи.

Наверняка Каиру можно вылечить гораздо быстрее, однако Варда ничто не побуждало к этому. Он просто наслаждался своей безграничной властью.

– Если ты ее не исцелишь в кратчайшие сроки, я найду того, кто это сделает, – заявила Вира.

Вард удивленно вскинул бровь:

– Неужели? И кто же этот невероятно опытный лекарь? Старуха из глуши?

– Я навела справки, – сказала Вира. – Поговорила с алхимиками.

– С алхимиками... – презрительно протянул Озирис. – За сотни лет они так ничему и не выучились, только и умеют, что смешивать травы и выкачивать денежки из глупцов в обмен на обещания крепкого стояка. Переломанный позвоночник травками не срастишь. Алхимики нам не помогут.

– А как же божий мох? – спросила Вира.

Озирис отвлекся от своих аппаратов и посмотрел на нее.

– Что тебе об этом известно? – напряженным голосом спросил он.

– Говорю же, я навела справки.

– Какие справки?

Вира расспросила пятерых алхимиков о завязях, но только один из них рассказал ей о божьем мхе, да и то лишь потому, что она ткнула его Кайсой в морду и пригрозила располосовать щеки.

– Соответствующие.

От алхимика удалось узнать немного: божий мох был большой редкостью, и завязи реагировали на него с невообразимой силой. Однако сам алхимик никогда в жизни с этим не сталкивался.

– Итак, что произойдет, если использовать божий мох для лечения Каиры?

Вард погрузился в размышления, теребя редкие пряди бородавки.

– Естественно, мы добьемся определенной реакции. Если ввести мох перорально, то к Каире вернется способность говорить и дышать самостоятельно. Однако, принимая во внимание объем подавляющего раствора, необходимого для поддержания ее в человеческом состоянии, это будет временным явлением. Всего на пять, в лучшем случае на десять минут. А потом все пойдет по-прежнему.

Вира скептически уставилась на него, и Озирис несколько смягчил тон:

– Видишь ли, божий мох – сильнодействующее средство, но контролировать его не представляется возможным. А состояние Каиры весьма деликатно и требует мягкого, осмотрительного подхода.

– Я все-таки надеюсь отыскать то, что сработает побыстрее.

– Как тебе будет угодно, – пожал плечами Вард.

– Вот и хорошо. Тогда я первым делом вернусь в Паргос.

– Зачем? Ты же там так ничего и не узнала.

Спустя месяц после того, как Вард подключил Каиру к дыхательному аппарату, Вира отправилась в Паргос, пытаясь отыскать в архивах гильдии алхимиков какой-нибудь быстродействующий метод лечения. К сожалению, в огромном здании архива хранились лишь документы с описаниями растений и насекомых, а также множество образцов почвы.

– Вряд ли алхимики хранят свои записи только в архиве. Я не обнаружила там никаких сведений о драконах, о завязях или о божьем мхе. Да, столичный Архив знаменит на всю Терру, но, по слухам, существуют и тайные хранилища, разбросанные по деревням. Я хочу их найти. Может быть, там есть какие-то упоминания о божьем мхе.

– Я же объяснил, что божий мох – временная мера.

– Тем не менее это тоже представляет ценность. Я еду в Паргос.

– Нет-нет, – торопливо возразил Озирис. – Я отправил тебя в Листирию, потому что там назревал мятеж. Паргос не представляет для нас угрозы, поэтому тебе там делать нечего. А вот на севере Баларии бунтуют шахтеры. Складывается очень неприятная ситуация, особенно учитывая, что именно там добывают для нас серебро и никель. Сейчас, когда в империи Каиры так беспокойно, не время бродить по Паргосу в поисках несуществующих тайников. В Паргос ты поедешь, если один из тамошних губернаторов решит начать мятеж.

Пока Вира не заговорила о поездке в Паргос, Озирис не упоминал ни о мятежах, ни о бунтах. Значит, он очень не хотел, чтобы Вира снова посетила Паргос. Что ж, это важно.

Вира решила, что больше давить на Варда не следует. Она и так уже узнала все, что ей требовалось.

Вира притворно дрогнула губами, покраснела, тяжело вздохнула и заговорила дрожащим, словно бы от слез, голосом:

– Мне так без нее плохо... Я просто хочу, чтобы она поскорее выздоровела. Как ты думаешь, все эти эликсиры, растворы и аппараты внушают хоть какую-то надежду на то... что Каира все-таки поправится и сможет дышать самостоятельно?

Озирис изобразил сочувственную улыбку и костлявыми пальцами коснулся Вириной руки. Невероятным усилием воли Вире удалось сдержать отвращение и не отдернуть ладонь.

– Да. Я в этом совершенно уверен.

Ясно было, что он старается вложить в свои слова как можно больше убедительности, и ему это почти удалось.

– Тогда продолжай, – прошептала Вира.

– Мудрое решение, – сказал Вард и взглянул на часы. – Извини, но меня ждет срочная операция: из раненого Змиеруба получится превосходный аколит. Солдат – единственный, кто уцелел из отряда патрульных, уничтоженного в схватке с воинами-ягуарами. Они расправились и с моим аколитом. Я пытаюсь выяснить, как им это удалось, ведь прошлой весной я снабдил всех аколитов усиленной защитой. Наверное, мятежники нашли какой-то новый способ.

– А можно я немного побуду с Каирой? – спросила Вира. – Я очень по ней соскучилась.

– Да-да, Вира, конечно.

Оставшись наедине с Каирой, Вира достала из-за нагрудного щитка скомканный лоскут размером с яйцо. Под лоскутом оказался кусочек мха – темно-зеленого, с мелкими голубыми цветами, пахнущими медом и перегноем.

Божий мох.

Для того чтобы узнать, как именно божий мох действует на завязи, ей пришлось пригрозить алхимику клинком. Для того чтобы раздобыть божий мох, понадобилось сделать нечто гораздо хуже, но Виру это не огорчало. Угрызения совести – невеликая цена за жизнь Каиры.

Вира аккуратно вложила комочек мха в рот Каире, потом нежно помассировала ей горло. Мышцы рефлекторно сжались, и Каира проглотила мох.

В мгновение ока цвет ее кожи изменился, болезненная землистость превратилась в здоровый румянец. Бирюзовые глаза Каиры распахнулись, зрачки сузились сообразно освещению комнаты.

– Каира! – с облегчением выдохнула Вира. – Ты меня слышишь?

Каира с трудом сглотнула:

– Где я? Что... – Она провела рукой по шраму на животе. – Я умерла?

– Нет-нет, ты жива. Ты в безопасности, Каира. Озирис спас тебе жизнь. Но у тебя тяжелое увечье. Мы пытаемся тебя исцелить, однако возникли некоторые осложнения. У нас с тобой есть всего несколько минут, а потом ты опять уснешь.

Вира оглядела шланги и трубки, торчавшие из груди Каиры, борясь с отчаянным желанием отсоединить их и увести Каиру отсюда, хотя тут же вспомнила о гигантском аколите-охраннике. Вдобавок, если Озирис не солгал и действие божьего мха временное, Каиру нельзя лишать аппарата искусственного дыхания.

– Я не могу шевельнуть ногами, – сказала Каира. – Я их вообще не чувствую.

– Это ненадолго, – успокоила ее Вира, стараясь внушить уверенность и себе.

– Я помню... кинжал. На меня напала папирийка... вдова...

– Императрица Окину нас предала, – объяснила Вира. – Она отправила к тебе убийцу, вдову Сосоне.

– Что с ней случилось?

– Я ее убила.

Каира кивнула:

– Я долго спала?

Вира задержалась с ответом. Ей очень хотелось многое утаить от Каиры, но, разумеется, лучше было сказать правду.

– Шесть месяцев.

Каира в ужасе распахнула глаза, но, как ни удивительно, сдержалась и спокойно спросила:

– И что произошло за это время?

Вира вкратце обрисовала положение дел. Рассказала, как Озирис всего за две недели захватил почти все земли Терры – в общем, без излишнего кровопролития, но при необходимости прибегая к помощи устрашающих аколитов. О бомбардировке Папирии Вира говорить не стала, сказала только, что императрица Окину заплатила за свое предательство.

– Дайновая Пуща – единственная незавоеванная провинция, – добавила она. – Под покровом джунглей Воинству Ягуаров неболёты не страшны. Вдобавок там еще и драконы.

– Воинство возглавил Карлайл Лайавин? – спросила Каира.

Незадолго до покушения на ее жизнь Каира заключила мирный договор с Карлайлом. К сожалению, после этого Карлайла убили, но у Виры не хватило смелости сказать об этом Каире, которой и так предстояло узнать много нового.

– Не знаю, – солгала Вира. – До нас почти не доходят вести из Дайновой Пущи.

– Понятно. – Каира задумалась, а потом недовольно сморщила нос. – Фу, Вира, от тебя так воняет!

– Ох, извини. – Вира отступила на шаг, сообразив, что не помнит, когда в последний раз принимала ванну. – Я так занята, что помыться некогда.

– От тебя несет не только немытым телом, но и мерзким табаком.

– Трубка помогает мне расслабиться.

– Ты расслабляешься только после боя.

Вира пожала плечами.

– Скажи мне честно, какие поручения дает тебе Озирис Вард? – спросила Каира.

Вира вздохнула:

– По его приказу я путешествую по всей империи.

– Эшлин когда-то говорила мне, что вдовы путешествуют по одной-единственной причине.

– Ну... не только это. Еще я пытаюсь отыскать способ тебя исцелить. Мы с тобой сейчас разговариваем только потому, что в своих путешествиях я кое-что раздобыла.

– А чем же ты еще занимаешься? – спросила Каира, с трудом выговаривая слова, – похоже, действие божьего мха подходило к концу.

– Не имеет значения.

– Нет, имеет. Я не хочу, чтобы из-за меня ты поступилась своей честью и достоинством.

– Моя честь и достоинство мне давно без разницы.

– Не говори так. Не предавай себя ради меня. Из-за этой ужасной войны страдают все люди в Терре. Отыщи способ им помочь. Спаси их.

– Для того чтобы их спасти, нужно убить Озириса Варда. Я не могу этого сделать до тех пор, пока он тебя не исцелит.

– Можешь. Моя жизнь не имеет значения.

– А для меня имеет, – с нажимом сказала Вира, не справившись с нахлынувшими чувствами. – Ты – единственная, кто имеет для меня значение. Понимаешь, Каира? Я...

Она осеклась, не в силах продолжать.

– Я понимаю, Вира, – слабым голосом откликнулась Каира. – Я разделяю твои чувства.

Вира утерла слезинку со щеки и кивнула.

– Я принесла всем столько бед, – продолжила Каира. – И своим близким, и всем людям Терры.

– Бед у всех хватает.

– А еще я о многом сожалею, – сказала Каира.

– Знаешь, о чем я сожалею больше всего? – спросила Вира.

Каира помотала головой.

– Прошлой зимой, когда ты предложила мне улететь на «Синем воробье», мне следовало согласиться. Нам с тобой надо было сразу же уйти с того проклятого пира и умчаться куда глаза глядят. Вдвоем. Подальше от всего этого. – Вира коснулась Каириной щеки, просунула ладонь под голову, ласково погладила Каире затылок и расчувствовалась до боли в груди. – Мы с тобой увязли в этом бардаке, но я обещаю сделать все возможное, чтобы ты вышла отсюда здоровой.

Каира кивнула:

– Мне становится трудно дышать. Времени у нас почти не осталось. Я должна задать тебе один важный вопрос.

– Спрашивай.

– Что ты ела на завтрак?

– По-твоему, это важный вопрос?

– Расскажи мне о себе. Самые обычные, простые вещи. Мне надо это услышать.

Вира замялась. В последний раз она ела перед их с Гарретом визитом к Гарвину – черствый ломоть хлеба и кусок жесткого вареного мяса. Хотя, конечно, она понимала, что хочет услышать Каира.

– Я завтракала свежими паровыми булочками со свининой, из дворцовой пекарни в Незатопимой Гавани. Одна из твоих служанок принесла мне их в опочивальню.

Каира слабо улыбнулась:

– Ты совсем не умеешь врать.

– Правда-правда, – с улыбкой заверила ее Вира. – Ты так долго болеешь, что я переехала в твои покои и теперь мне служит вся твоя свита. Я велела, чтобы мне каждое утро приносили паровую булочку на серебряном подносе. После этого мне подают рыбное блюдо, свежий суп и десерт. А потом две служанки двадцать минут массируют мне ноги, облачают меня в роскошное одеяние, и я целыми днями прохлаждаюсь.

Каира снова улыбнулась, но улыбка быстро исчезла. Каира задышала с трудом. Цвет лица снова стал землистым.

Вира заглянула ей в глаза, стараясь запечатлеть в памяти их точный цвет и форму.

– Спи, – сказала она. – Сейчас подключится дыхательный аппарат.

Каира послушно сомкнула веки и снова погрузилась в забытие.

Вира еще долго стояла рядом с ней, перебарывая дрожь во всем теле.

Покидая башню, Вира пыталась сообразить, как же снова попасть в Паргос. Будет трудно, но что-то наверняка можно устроить.

7. Боец Ригар

Местонахождение неизвестно

Ригар проснулся в темноте. Было холодно. Тело казалось опухшим, но напряженным. Затекшие мышцы не слушались.

– Образец семьсот девяносто девять пришел в сознание, – гнусаво произнес кто-то побаларски.

– Великолепно, – отозвался другой голос, поглубже. – Проверим исходные установки, а затем перейдем к опросу.

Какие-то движения. Шаги. Приближаются.

– Как тебя зовут? – спросил человек с глубоким голосом.

– Ригар.

– Ответ неверный.

Что-то щелкнуло, зажужжало, а потом по телу Ригара пронеслась волна боли. Невыносимой боли – будто все тело превратилось в больной зуб, который кто-то ковырял ледорубом. Ригар завыл, хотел было дернуться, но тело не слушалось, словно чужое.

– Как тебя зовут? – повторил голос.

– Я... прошу вас, я не понимаю.

Он помнил только, как катился по вязкому глинистому склону в джунглях. Как мучился жаждой. Как изнемогал от усталости. А потом его накрыла тень.

– Вопрос очень простой. Как тебя зовут? Имя идентифицирует. В твоём случае имя – это номер, набор цифр. Назови цифры.

– У меня нет номера. Меня зовут Ри...

– Ответ неверный.

Все тело сотряс очередной шок. На этот раз боль была сильнее. Дольше.

– Думай. Вспоминай. Назови цифры номера.

Ригар задумался. Попытался вспомнить.

– Номер начинается с цифры семь?

– Ответ верный. Продолжай.

– Семь... – Он замялся. – Восемь.

– Ответ неверный.

И снова боль.

– Еще раз.

– Семь? Девять?

Ригар напрягся в ожидании боли, но так ничего и не почувствовал. Он мысленно вознес благодарственную молитву Этерните и продолжил:

– Девять.

– Ответ верный, – произнес голос.

Ригара охватило чувство невероятного облегчения, но оно оказалось кратким, потому что если ему присвоили номер, то это могло означать только одно.

– Погодите, – сказал он. – Погодите. Я что... во что вы меня превратили?

– Воздержись от вопросов при прохождении установочного процесса. Итак, кто твой начальник?

– Начальник?

– Да. Назови своего начальника.

– Лейтенант Дролл?

– Ответ неверный.

Боль. Жуткая, ужасающая боль.

– Кто твой начальник? – повторил голос.

– Командир Вергун.

– Ответ неверный.

Опять боль. Почему он до сих пор не умер от боли?

– Кто твой начальник?

Ригар сглотнул. В горле жгло огнем. Наконец он сообразил, какой ответ от него требуется:

– Озирис Вард.

– Ответ верный.

Облегчение накатило дурманом, как после первой затяжки опиумом. Вот он, обожаемый начальник. Хозяин. Если хозяин заставляет его испытывать такие чувства, значит это – лучший хозяин, и другого ему не надо.

– Очень хорошо, семьсот девяносто девятый. А теперь, прежде чем вводить остальные препараты, поговорим о твоём исполнении боевого задания, пока ты еще не утратил все воспоминания о том, что случилось в Фаллоновом Гнезде.

8. Кочан

Дайновая пуца

После посещения борделя Кочан с Фельгором наконец-то покинули Незатопимую Гавань. Три дня Кочана мутило, и лишь на четвертое утро он перестал блевать по кустам.

– Такого тяжкого похмелья у меня в жизни не было, – пожаловался он, с трудом проглотив пару ломтиков подгорелого бекона. – А ведь на острове Призрачных Мотыльков я с утра до ночи хлебал картофельную водку.

– Если бы я на несколько лет застрял на таком жутком острове, то тоже стал бы пьяницей, – согласился Фельгор, доедая свою порцию.

– Ты в одиночку выпил целый бочонок атласского сидра, – напомнил ему Кочан. – На такое только пьяницы и способны.

– Да, я купил целый бочонок, но опустошить его мне помогал и ты, и та девица из долины Горгоны, Есмана, Есама... или как там ее.

– Есмина, – поправил его Кочан.

Он запомнил девушку, потому что она погладила его по щеке, ощутив под пальцами фальшивую кожу, скрывавшую синие прямоугольники татуировок. Кочан напрягся было, но Есмина с улыбкой шепнула ему на ухо, что волноваться не о чем, это будет их секрет.

– А, ну да, Есмина.

Они поднялись на высокий утес, и Кочан оглянулся. Вдали виднелся мост через Горгону, а в небе над ним висел огромный неболёт.

– Даже не верится, что ты уболтал караульных на мосту пропустить нас без пропусков, – сказал Кочан.

Охранникам на пропускном пункте у моста Фельгор объяснил, что их с Кочаном срочно послали на каучуковую плантацию в джунглях, а официальные пропуска сгинули вместе с их третьим спутником-баларином, которого в пути сожрал дракон. Фельгор говорил так быстро и так много, что охранникам пришлось их пропустить, чтобы не создавать затор, – за любые задержки движения на мосту начальство накладывало на караульных строгие взыскания, потому что через мост отправляли грузы, в частности тот самый каучук, для Озириса Варда.

– Дело не только в быстроте речи и в нелепых оправданиях, но еще и в том, что на нас с тобой баларские мундиры, а еще у нас обоих серые глаза и длинные носы, так что картинка складывается весьма убедительная. Люди вообще склонны поверить любой лжи, если облечь ее в приемлемую форму.

– Да, наверное, – сказал Кочан. – Если честно, то у меня язык плохо подвешен.

– Чепуха, – отмахнулся Фельгор. – В Незатопимой Гавани ты мне прекрасно подыграл, очень убедительно изобразил моего помощника. Без тебя Брутус не повелся бы на наше предложение.

– Вот ты мне сейчас излагаешь приемлемую форму или все-таки правду?

– Ой, ну ладно, – вздохнул Фельгор. – По правде сказать, я взял тебя с собой из-за твоего акцента. Ты говоришь как добропорядочный горожанин, такое трудно подделать. Можно подумать, что ты много лет был подмастерьем у какого-нибудь ремесленника в Пятом квартале Бурз-аль-дуна.

– Я же тебе рассказывал, что действительно был подмастерьем у часовщика в Пятом квартале.

– Ну вот видишь.

Целый день они пробирались по джунглям. Селение Прель, где их должен был встретить Бершад, скрывалось в самой чаще, и отыскать его было непросто. Ориентиром для Фельгора с Кочаном служили глиняные болванчики, оставленные для этой цели воинами-ягуарами.

Истуканов было много, но указывали путь лишь те, у которых на месте глаз виднелись синие камешки, а воткнутые в глину ветки направляли в нужную сторону.

Ближе к вечеру путники взобрались на вершину горы, нависавшей над долиной. Высоко в небе кружила серокрылая кочевница.

– Поселение где-то там, внизу, – сказал Фельгор. – Похоже, Бершад туда уже добрался.

– Я, наверное, никогда не привыкну, что за ним всегда следует дракониха.

– Дымка? От нее никакого вреда.

– Да уж, – вздохнул Кочан, вспомнив, что она натворила на острове Призрачных Мотыльков.

– То есть никакого вреда для тех, кто не желает зла Сайласу, – уточнил Фельгор с улыбкой. – Ну, вперед.

Два корявых деревца на склоне внезапно ожили и ошетинились мечами. Клинки нацелились прямо в горло Фельгору и Кочану. Не деревца, а бойцы Воинства Ягуаров, в черных масках.

– Мы свои! – взвизгнул Кочан, подняв руки вверх.

От испуга он выкрикнул это по-баларски, отчего воины наставили клинки ему в грудь.

– Не смей! – Из подлеска появился третий воин. – Это лазутчики Эшлин. Их ждут.

Воины опустили мечи.

– Как скажешь, Оромир.

Третий воин снял маску. Под ней скрывалось на удивление юное лицо. Кочан решил, что парню лет семнадцать или восемнадцать, но шрамов у него было не меньше, чем у опытного бойца.

– Я их проведу.

Не говоря ни слова больше, Оромир повел их в долину. В его присутствии почему-то заткнулся даже Фельгор, который не упускал ни единого случая потрепать языком.

Хижины, как было заведено в Дайновой пуще, прятались в кронах огромных дайнов, так что самого поселка было не видно ни с неба, ни с земли. Такие поселения служили надежными укрытиями для всех обитателей провинции за пределами Заповедного Дола.

Оромир подвел их к хорошо замаскированной веревочной лестнице, обвивавшей массивный ствол старого дайна.

– Залезайте, – велел Оромир.

Взбираясь по шаткой лесенке, Кочан запыхался. Крошечные глиняные хижины, похожие на желуди, крытые соломой, жались к раскидистым ветвям громадных деревьев.

По висячим мосткам, проложенным между ветвями, Оромир подвел Фельгора и Кочана к хижине побольше, подвешенной к толстеному суку. У входа, прикрытого плетеной циновкой, воин остановился, сделал путникам знак подождать снаружи, а сам юркнул внутрь.

– Мы встретили балар, – сказал он кому-то в домике.

– Хорошо, – ответил знакомый голос Эшлин. – Пусть войдут.

– Конечно войдем, – заявил Фельгор, бесцеремонно откидывая циновку.

Кочан последовал за ним. Оромир остался у входа.

В хижине у догорающего очага сидели шестеро: Эшлин Мальграв, Сайлас Бершад, Симеон, Керриган, Виллем и малец-алхимик, помощник королевы – Джулан, Джорро... или как там его.

– Ну что, сволочи, соскучились? – Фельгор призывно раскинул руки, будто собрался обнять всех разом.

– Ага, – буркнул Симеон. – Как по трипперу.

Эшлин и Керриган с улыбкой переглянулись, а Бершад сурово посмотрел на Фельгора, потом тоже улыбнулся, вскочил и сгреб Фельгора в охапку:

- Ах ты, поганый ворюга, как же хорошо, что ты вернулся целым и невредимым!
- Разумеется, я вернулся целым и невредимым. Я же профессионал.
- Мой безухий баларин не напортачил? – осведомился Симеон.
- Не-а. Наоборот, мы ему обязаны успехом нашего предприятия.
- Успехом? – переспросила Эшлин. – Это радует.

Она махнула правой рукой, приглашая Фельгора и Кочана присесть к костру. Левая рука скрывалась под желтым пончо. Кочан вздохнул с облегчением. Вообще-то, Эшлин очень хорошая, но он ее жутко боялся, зная, на какие ужасы способна ее металлическая рука.

Фельгор сел к костру и с широкой ухмылкой обвел всех взглядом.

– И что же ты раздобыл? – спросил Бершад.

– Да так, всякую всячину, – радостно сказал Фельгор и взял у Кочана одну из седельных сумок с документами. – Во-первых... так, что здесь у нас? – Он прищурил глаза, вглядываясь в карты. – А, это места высадки и эксфильтрации десантных отрядов по всей Дайновой пуще. Каждое четко помечено и ранжировано в зависимости от близости драконов и стратегического положения.

– Что-о-о? – восхищенно протянул Виллем. – Ни фиги себе... дай-ка посмотреть. – Он схватил карты и быстро перелистал. – Так, кое-что нам известно, но тут очень много нового, в местах, где наших патрулей нет.

– Ну естественно, – сказал Фельгор. – Они же хотят себя обезопасить.

– Откуда это у тебя? – спросил Виллем, изучая следующую карту.

– Их картографы сидят в подвалах одного особняка по соседству с замком Мальграв. Я этот особняк когда-то уже грабил, причем не один раз, а дважды. Так что добыть все это добро не составило особого труда.

Виллем облизнул губы и посмотрел на Фельгора:

– Ох, так бы тебя и расцеловал!

Фельгор пожал плечами:

– У тебя борода колючая. Может, сначала лучше ее намазать?

– А о моей сестре никаких новостей? – спросила Эшлин.

– Ой, там целая куча диких слухов, – вздохнул Фельгор. – Все утверждают, что Каира жива, а вот дальше начинается бред. Некоторые говорят, что Вард с помощью ее крови создает серокожих монстров. Другие утверждают, что он запер ее на вершине башни и пытается превратить в богиню, ведь в замок бесперебойно доставляют всякую хрень. А есть и такие, которые считают, что это она сама прикидывается Озирисом Вардом. Ну, это уж полная фигня, я своими глазами Варда видел, в такого не загримируешься.

– А что там еще у тебя? – Эшлин кивнула на седельную сумку.

– Не волнуйся, я знаю, что тебе хочется побольше разузнать о серокожих. Вот я и расстарался. Кочан, дай-ка мне чертежи.

Кочан обиженно порылся в сумке – не очень-то приятно выступать в роли безмолвного помощника, но это все же лучше, чем быть подручным убийцей у Симеона, – и вытащил документы, полученные от Брутуса.

– Вот тут подробные списки необходимых материалов, схемы и развернутые описания способностей различных видов серокожих, созданных Безумцем, – сказал Фельгор. – Помоему, самые жуткие те, что похожи на пауков.

Эшлин поглядела на ворох бумаг:

– Ох, Фельгор, я б тебя тоже расцеловала!

– Нет уж, спасибо, королева. – Он покосился на Сайласа. – Мне покамест не хочется расставаться с головой. Поэтому лучше не забывай об обещанных пятидесяти тысячах золотых за каждый источник информации.

– Да, конечно, – рассеянно сказала Эшлин, уткнувшись в документы. – Как только война закончится, я тебе заплачу.

Фельгор поморщился:

– Когда ты с такой легкостью говоришь о ста пятидесяти тысячах золотых, я начинаю опасаться, что фиг ты мне заплатишь.

– Знаешь, Фельгор, я предпочитаю заниматься делами по порядку, сообразно степени их важности и неотложности. Твои страхи и чаяния у меня далеко не на первом месте. Джолан, вот, взгляни. – Она протянула пареньку листок. – Это модель стабилизирующего аколита. Они каким-то образом обеспечивают надежную работу бортовых генераторов, предохраняют их от перегрева в длительных перелетах.

– Да-да, – сказал Джолан. – Но как Варду удастся нивелировать кумулятивный эффект накопления тепла на высоких оборотах?

– Не знаю. Может быть, с помощью этих штифтов, но здесь об этом не упоминается.

Эшлин и Джолан продолжили свою заумную дискуссию, в которой Кочан не понимал ни слова, а Виллем с Оромиром, негромко переговариваясь, приступили к изучению карт.

Фельгор поудобнее устроился у костра:

– Да уж, было сложно, но работа в цивилизованном обществе дает определенные преимущества. Самые большие возможности открылись в «Орлином гнезде», там и бордель, и ресторан. Великолепное заведение! И все шестеренчики его обожают, потому что тамошний повар не жалеет баларских пряностей. В общем, там мы и решили выискать подходящего лоха, но сначала надо было хорошенько все изучить. Вот мы с Кочаном этим и занимались первые пару дней. Там на ужин подают такой вкусный запеченный окорок и гребешки – пальчики оближешь. Гребешки просто плавают в сливочном масле и щедро приправлены черным перцем и куркумой, ее из самого Таггарстана привозят, свежайшую, представляете? Эх, я бы с радостью обчистил какой-нибудь неболёт с пряностями, потому что лучшей приправы к свинине...

– Фельгор, если ты не прекратишь разговоры о жратве, я тебя прибую! – прорычал Симеон.

– А что такого?

– Мы потеряли данфарские поставки продовольствия, – объяснила Эшлин.

– Потеряли? Нельзя же быть такими рассеянными!

– Не смешно, – сказала Керриган. – На моих глазах испепелили четыре корабля и всю их команду. А балары сжигают дотла все фермы в Дайновой Пуще, так что теперь у нас большие проблемы с провизией.

– Очень большие? – обеспокоенно уточнил Кочан, который надеялся по возвращении наесться до отвала, потому что жутко проголодался за время долгого пути; к тому же из-за тяжелого похмелья в брюхе было совсем пусто, а из еды оставался только шматок солонины в кармане.

– В последний раз наши люди плотно поели две недели назад, перед выходом из Заповедного Дола, – сказал Бершад. – С тех пор мы живем на подножном корму в джунглях, но вокруг столько драконов, что это стало опасным. Вчера три воина погнались за зайцем и угодили в пасть дракону.

– А это был вовсе не заяц, а крошечный зайчонок, – добавил Симеон.

– И самая большая проблема – это не гибель в лапах дракона, а то, что оголодавшие воины начинают отнимать продовольствие у жителей окрестных поселений, – сказала Эшлин.

– Я все уладил, – буркнул Симеон. – Больше не повторится.

– Забивать насмерть людей их же конечностями – не самый эффективный способ, – вздохнула Эшлин.

Кочан тяжело сглотнул, радуясь, что не присутствовал при расправе, – на острове Призрачных Мотыльков он насмотрелся зверств Симеона.

– Да неужели? – удивился рыжий скожит. – Неужели нашлись еще желающие помародерствовать?

– Нет, – ответила Керриган. – Зато число дезертиров выросло втрое.

– Что ж ты раньше не сказала? Я их выслежу и объясню, что к чему.

– Нет, – твердо сказал Бершад. – Угомонись уже.

– Почему это?

– Потому что оторванными конечностями войну не выиграть.

– А если все наши воины разбегутся кто куда, войну тоже не выиграть, сколько баларских бумажек ни воруй.

Все заговорили одновременно – бормотали, спорили, переругивались, выдвигали бесполезные предложения.

И тут в голову Кочану пришла интересная мысль. Перед уходом из Незатопимой Гавани он подслушал в борделе разговор капитанов летучих кораблей.

– Погодите, я знаю, что делать.

Его замечание оставили без ответа. Кочан набрал полную грудь воздуха и вспомнил о том, что он пират.

– Эй, мудачье! Заткнитесь! – рявкнул он что было сил.

Все умолкли.

– В борделе Незатопимой Гавани я слышал, как капитаны обсуждали между собой крушение в Дайновой пуще. Неболёт с грузом продовольствия. Можно попытаться его отыскать.

– Ха! – выкрикнул Фельгор. – Я же говорил, что посещать бордели полезно.

– А груз большой? – спросила Керриган.

– Месячный запас провизии для всех Змиерубов. А учитывая, что у Змиерубов над нами численное преимущество, это значит, что нашим воинам еды хватит на... ну, не знаю на сколько.

– Гм, в таком случае нам хватит до конца лета, – сказала Керриган. – И даже на дольше, если выдавать пайки поскромнее.

– Ага, и если до конца лета протянем, – пробормотал Виллем.

– Но если груз такой большой, почему за ним не отправили спасательный отряд?

– Вот про это капитаны и говорили, – сказал Кочан. – Летучий корабль рухнул недалеко от какого-то огромного логовища. Спасательные неболёты долго над ним кружили, но снижаться опасаются.

– А где именно это логовище? – спросила Эшлин.

– Ну, один из капитанов как раз оттуда вернулся, – задумчиво протянул Кочан, которому не хотелось признаваться, что разговор он слышал в сильном подпитии. – Кажется, откуда-то с юго-запада от Гленлока. От девятой излучины Горгоны прямо на юг.

– Ни фига это не возле логовища, – сказал Бершад. – Это прямо посреди самой густонаселенной зоны обитания дуболомов во всей Терре.

– Типа как у Заповедного Дола? – поинтересовался Фельгор.

– Нет, там их гораздо больше. Только безмозглые балары могли проложить такой бредовый маршрут.

– А туда украдкой можно прошмыгнуть? – спросил Фельгор. – Ну, как воины-ягуары ходят по тайным тропам в Заповедный Дол.

– Нет, тайные тропы к Заповедному Долу прокладывали десятками, а то и сотнями лет, – вздохнул Бершад.

Воцарилось молчание.

Наконец Бершад сказал:

– Есть один путь. Дуболомы побаиваются серокрылых кочевников, так что под прикрытием драконихи мы сможем туда пробраться. Пойдет небольшой отряд, человек двадцать, не больше.

– Погоди-ка, – вмешалась Керриган. – Ты предлагаешь отправиться в кишасные драконами джунгли, куда страшно сунуться даже баларским неболётам?

– Если бы ты не профукала корабли с провизией, нам не пришлось бы рисковать, – сказал Симеон.

– Ты опять за свое? Несешь всякую хрень. Да ты в самом первом плавании свой же корабль сам бы и потопил! Тоже мне мореход выискался. Дерьмо дерьмом.

– Я прекрасный мореход, – возразил Симеон.

– Не важно, как именно мы оказались в таком положении, – вмешалась Эшлин. – Сейчас надо реально смотреть на вещи. – Помолчав, она добавила: – Я пойду с Сайласом. Кто с нами?

– По-моему, это самоубийство, – сказала Керриган. – Но раз уж я отчасти виновата в том, как мы дошли до жизни такой, то готова умереть ради доброго дела. Я пойду с вами.

– И я тоже, – сказал Джолан. – В неболёте могут оказаться приборы и инструменты, которые помогут нам разобраться в изобретениях Варда. Это так же ценно, как и продовольствие.

– А ты, Симеон?

Скожит пожал плечами:

– Как по мне, лучше стать обедом для дракона, чем каждый день жрать жуков и червяков.

– Сказал мудак в доспехе из драконьей чешуи, – пробормотала Керриган.

Симеон оставил ее подколку без внимания.

– И я с вами, – сказал Виллем.

– Нет, – возразил Бершад. – Тебе и твоим людям придется отвлекать балар. Карты тебе Фельгор принес, прищепишь врагу хвост.

– А может, кто-нибудь другой этим займется? Опытных воинов у нас достаточно.

– Верно, – согласился Бершад. – Но ты у нас лучший командир Воинства Ягуаров. Оставайся с бойцами.

– То есть, если вас всех сожрут драконы, мне придется стать во главе воинства?

– Да.

Виллем медленно кивнул:

– Ну ладно.

– И мы с Кочаном тоже пойдем, – заявил Фельгор.

– Чего-чего? – вскинулся Кочан.

– А того, – сказал Симеон таким тоном, что спорить было бесполезно.

Кочан вздохнул и слабо махнул рукой. Сдался.

Все помолчали.

– М-да, семерых будет недостаточно, – наконец сказал Бершад. – Надо будет найти добровольцев.

– Не надо, – сказал Оромир. – Мой отряд пойдет с вами.

– Не передумаешь? – спросил Бершад.

– Я не верю в колдовство, в драконьеров и в закорючки на бумаге. Но чтобы воевать, нам необходимо продовольствие. Так что нет, не передумаю. В общем, еще двадцать бойцов. Достаточно?

– По-моему, в самый раз, – сказал Бершад.

– Вот и славно.

Кашлянув, Джолан спросил:

– А как двадцать семь человек доставят всю провизию из джунглей?

Все снова умолкли.

– Ну вы и болваны! – вздохнула Керриган. – Опять мне за вас все проблемы решать.

Все устали на нее.

– Возьмем ослов, – сказала она. – Тех, которых мы привезли с Душебродова Утеса. Венделл и его придурочный папашка присматривают за ними где-то на юге.

– Ага, – сказал Бершад, который сам их туда и отправил, подальше от военных действий. – Это как раз по пути к месту крушения неболёта.

– Отлично, – сказала Эшлин. – Через полчаса отправляемся в путь.

Выйдя из хижины, Кочан заметил черную собачонку, дремлющую в тени дайновых ветвей. Над пересохшим носом пса кружили мухи, под шкурой резко выступали ребра. У Кочана сердце защемило от жалости.

Он сунул руку в карман и нащупал шматок солонины.

Кочан прекрасно понимал, что поступает глупо и мягкосердечно, отдавая последний кусочек мяса совершенно незнакомой собачонке. Симеон отвесил бы ему оплеуху и в тысячный раз сказал бы, что кровь у него не та. Но Симеона поблизости не было, и Кочан решил, что не станет есть солонину в одиночку. Он подошел к собачонке.

– Эй, дружок, у меня для тебя есть подарок, – сказал он, доставая мясо из кармана.

Собака продолжала дремать.

– Ты есть хочешь? – спросил Кочан.

Никакой реакции.

– Ну-ка, просыпайся, я тебя солониной угощу.

Кочан носком сапога легонечко коснулся бока спящей собачонки. Она с визгом вскочила и бросилась наутек, обиженно твякая и подвывая, будто ей вставили шило в жопу, а не предложили свининки.

– Ни фига себе, – пробормотал Кочан.

– Знаешь, есть хорошая данфарская поговорка про спящую собаку...

За спиной Кочана появилась Керриган и укоризненно сложила руки на груди:

– Какая?

– Ее трудно перевести, но про пинки там ничего не сказано.

– Я никого не пинал, – возразил Кочан. – Я просто хотел... – Он осекся, зажав в кулаке кусочек солонины; хоть Керриган и была добрее Симеона (что, в общем, было нетрудно), но вряд ли одобрила бы намерения Кочана. – Ну, ничего такого.

Керриган пожала плечами, смахнула с запястья паука и куда-то ушла по подвесным мосткам.

Кочан отправился догонять собачонку.

Из чистого упрямства: уж если Кочану захотелось угостить неизвестного пса солониной, то, видит Этернита, пес эту солонину съест.

В поисках собаки он шел мимо древесных хижин, взмахами руки приветствуя обитателей Прели.

Оказалось, что пес сидел под стеной одной из хижин, у огорода, засаженного помидорами, и злобно глядел на Кочана. Тот подошел поближе, но собачонка оскалилась и зарычала.

– Да я просто хочу тебя накормить, сволочь ты этакая!

Теперь Кочан уже и сам не понимал, зачем он это делает, но не собирался отказываться от своего намерения. Он шагнул в огород, примяв помидорную рассаду. Собачонка залаяла. Дверь в хижину распахнулась, на порог вышла женщина с плетеной корзинкой в руках и удивленно наморщила лоб.

– Зачем ты пристаешь к моему псу? – спросила она.

– Чего-чего?

– Это мой пес. Чего ты к нему пристал?

– Нет-нет, я не пристаю! – Кочан показал шматок солонины. – Вот, хочу его накормить, а он ни в какую.

Женщина насмешливо фыркнула:

– Да он только с виду доходяга. Всегда был тощий, даже когда еды было вдоволь. Наверное, потому, что вечно жрет драконье дерьмо.

Кочан пожал плечами.

Женщина посмотрела на мясо:

– Это у тебя свинина?

– Ага.

– Надо же! Интересно, какое лесной бог тебе ее пожаловал?

– Ну...

– Да ладно, мне все равно. Давай-ка сделаем так: ты отвяжешься от моего пса и отдашь мясо мне, я добавлю его в жаркое. Мы уже три луны как мяса не видели.

Кочан сообразил, что поделиться солониной с женщиной куда лучше, чем пытаться всучить его придурковатому псу, которому вполне хватает драконьего дерьма.

– Договорились.

В хижине был земляной пол, спальня полог и очаг посреди комнаты, над которым в котле побулькивало вкусно пахнущее варево. Женщина взяла солонину и указала на плетеное кресло у очага.

– Меня зовут Джовита. А тебя как?

– Кочан.

– Кочан? – удивленно переспросила она. – Это баларское имя?

– Пиратское.

– А какое у тебя не пиратское имя?

– Как это?

Джовита заткнула за ухо своевольную прядь волос – черных, с проседью.

– Так ведь твоя матушка тебя вряд ли Кочаном назвала.

– А, ну да. То есть нет. Меня зовут Кочагато, такое старинное баларское имя.

– Теперь понятно, откуда взялся Кочан.

– Ага.

Джовита сняла со стены нож и нарезала солонину тоненькими полосками, чтобы мяса казалось побольше, потом нашинковала еще какие-то корни и бросила все в котел.

– Пусть чуток потомится, – сказала она.

Кочан кивнул.

– У тебя уши в грязи, – заметила Джовита, махнув ножом.

Кочан дотронулся до правого уха, увидел на пальцах черную слизь.

– Они накладные, – объяснил он. – Мне их королева сделала, но в здешней сырости все подгнивает. Только их отлеплять тяжело, там какой-то особый клей.

Женщина понимающе кивнула, будто ей было не впервой беседовать с людьми, которым королева делала накладные уши.

– Если хочешь, я помогу их снять.

– Надеюсь, не вот этим? – спросил Кочан, указывая на нож.

– Нет. – Она взяла холщовую тряпицу, подошла к полке со стеклянными бутылками, полными разнообразных жидкостей. – Теплой водой с уксусом.

– А, с уксусом, – протянул Кочан.

Джовита смочила тряпку, присела и начала осторожно протирать края ушей. Едкий запах уксуса зашекотал ноздри Кочана.

– Вообще-то, это не очень приятное зрелище, – смущенно предупредил он.

- Шрамы меня не пугают. Я пятнадцать лет была замужем за альмирским воином.
- А что с ним случилось? Ну, с мужем?
- Погиб прошлой осенью в бою с Черепахами Линкона Поммола.
- Мои соболезнования.
- Все бойцы его отряда пришли к нам в Прель, сказали, что он погиб смертью героя.

Быстро. Без мук.

Кочан сглотнул, вспомнив о виденных смертях. Почти никто не умирал быстро и без мук.

– Да, конечно.

Джовита продолжила свое занятие. По шее Кочана сползла струйка теплого уксуса.

– Готов? – спросила Джовита.

– Да.

Она осторожно отклеила правое ухо, почти без боли, Кочан только разок поморщился. А потом снова скривился, зная, что теперь перед глазами Джовиты дырка в его голове, окруженная уродливыми шрамами.

– Извини, – сказал он. – Это очень...

– Да не извиняйся ты, – отмахнулась Джовита, начиная обрабатывать левое ухо.

Операция прошла успешно. Джовита положила оба уха на ладонь и с любопытством их осмотрела:

– Неужели королева-ведьма сама их сделала?

– Да.

– Совсем как настоящие. Ясное дело, тут без колдовства не обошлось.

– Она мне все время говорит, что колдовства не бывает, но умеет такое, что иначе как колдовством это не назовешь.

– Они тебе еще нужны? – спросила Джовита.

– Не-а.

Она швырнула накладные уши в огонь и сказала:

– Ну, вот и все.

Кочан смущенно потупился:

– Вообще-то, нет.

Джовита непонимающе посмотрела на него, но потом повнимательнее пригляделась к его щекам:

– Ах да, конечно. Хочешь, я их тоже сниму?

– Да, пожалуйста.

Джовита присела перед ним на корточки, устремив взгляд карих глаз прямо в лицо, и начала оттирать слой искусственной кожи, скрывавший синие прямоугольники татуировок.

Она работала молча. Когда она занялась второй щекой, Кочан не выдержал:

– Рассказать, за что меня ими пометили?

– Нет. Ну если только тебе самому очень хочется.

Кочан давно никому не рассказывал, за что его отправили в изгнание. Синие прямоугольники были на щеках у всех обитателей полигона на острове Призрачных Мотыльков, так что истории чужих бед никого не интересовали.

– Боюсь, что пока я буду рассказывать, мне похлебки не достанется.

Джовита улыбнулась:

– Тогда погоди. Похлебка уже готова.

Кочан налил варево в свою плошку, аккуратно выловив один-единственный ломтик мяса, и начал медленно хлебать, наслаждаясь вкусом кореньев и лука.

– Сюда бы еще кукурузы, – вздохнула Джовита, пробуя похлебку. – И соли. О боги, я бы кого угодно за щепотку убила.

– Я тебе соли раздобуду, – пообещал Кочан. – Принесу, когда мы к вам снова заглянем.

Джовита удивленно посмотрела на него:

– Тоже кого-нибудь убьешь?

Кочан чуть склонил голову, не зная, что на это ответить.

– Если честно, то я убивал и за меньшее.

– Правда? – Джовита снова наполнила свою плошку похлебкой, выловила ломтик свинины, с наслаждением прожевала. – Хотя ты и рожей не вышел, но сердце у тебя доброе. Вон, даже моего пса хотел накормить.

Кочан доел остатки похлебки.

– Мой командир носит доспех из драконьей чешуи, – вздохнул он, уставившись на дно плошки. – Слыхала о таком?

– Все в Дайновой пуще слышали о Симеоне-скожите.

– Да уж. Он такой, приметный. – Кочан сглотнул. – Так вот, он мне всегда говорит, что для воина у меня кровь не та. Сначала я обижался, потому что считал это оскорблением. Но с недавних пор я решил, что он прав и что это, вообще-то, хорошо. Не гожусь я для войны. Вот только знаешь, как говорят: если сапоги не подходят, это не значит, что им найдется замена.

– Не знаю, что там говорят про сапоги, но, по-моему, тебе надо уйти подальше от войны.

– Не выйдет, – покачал головой Кочан и задумался.

Он вспомнил Эшлин, Сайласа и воинов-ягуаров. Все они отважно сражались на этой войне. Даже Фельгор, который вечно отшучивался, на самом деле творил очень опасные вещи и совершал настоящие подвиги.

– Мои друзья каждый день вступают в бой с врагом, – сказал Кочан. – Я не могу их бросить.

Да, он не был таким же храбрецом, как все остальные, но все-таки мог чем-то помочь. И может быть, эта помощь даст ему возможность искупить свои грехи, замолить все эти убийства и грабежи, совершенные за годы жизни на острове Призрачных Мотыльков.

– Теперь понятно, чем тебе так дорого воинское братство, – сказала Джовита. – Недаром же ты разжалобился при виде чужого пса.

Кочан хотел что-то добавить, но снаружи послышались тяжелые шаги воинов и разговоры о приказах и неболётах.

– Ох, мне пора, – сказал Кочан, вставая.

– Ага, – сказала Джовита. – Спасибо за похлебку, Кочан.

Он кивнул.

– Я постараюсь раздобыть для тебя соль, – повторил он. – Принесу, когда мы к вам снова заглянем.

Джовита печально улыбнулась. По выражению ее лица было ясно, что она слабо в это верит.

– Что ж, ты знаешь, где я живу.

9. Кастор

Замок Мальграв, 62-й этаж

– Ты как будто не в себе, Кастор, – сказал командир Вергун, направляясь в лабораторию на вершине Башни Короля.

– Нет, со мной все в порядке, просто я устал от бесконечных приемов.

Как подсчитал Кастор, почти вся его сознательная жизнь прошла либо в муштре, либо в карауле, когда приходилось стоять навтыжку во всевозможных палатах, ничего больше не делая. Такое вот завидное существование бывшего хореллианского гвардейца, ставшего наемником.

Разумеется, какую-то – крошечную – часть жизни занимали схватки, и эта часть значительно увеличилась после того, как Кастор покинул хореллианскую гвардию и пошел на службу к командиру Вергуну. Многие Змиерубы обожали битвы больше, чем деньги, которые за них платили, но Кастор никогда не питал глубоких чувств к работе наемника. Ничего особенного, работа как работа, и незачем ее возвеличивать. Ведь, например, у кузнеца не появляется стояк всякий раз, как он кует железо на наковальне.

Это непрофессионально и мешает исполнять свой долг.

– Неужели тебе больше по нраву торчать в джунглях, где из-за любого дерева может выскочить альмирский воин и выпустить тебе кишки?

Кастор пожал плечами:

– Джунгли, засады – это просто и понятно. А вот что происходит в замке, хрен поймешь.

Они вошли в большой зал, где проводилась встреча. При виде обстановки у Кастора пересохло во рту.

Вдоль стен тянулись ряды стеклянных клеток с расчлененными насекомыми и грызунами; внутренние органы и нервные системы животных, закрепленные булавками, были выложены странными спиралями. По залу с клацаньем передвигался механический паук из меди и золота, охотился на тараканов и крыс, которых Вард выпускал на верхнем ярусе дворца, утверждая, что охота помогает Бартоломью – единственному созданию Безумца, носившему нормальное имя, – улучшать координацию движений. Из-за этого по всем углам виднелись горки обглоданных крысиных костей.

Кастор служил у многих неприятных людей. И за свою жизнь повидал немало неприятных вещей. Валлен Вергун сажал неугодных на кол в своем шатре, сшитом из человеческой кожи, однако это кошмарное зрелище оправдывалось веской причиной: оно до смерти пугало все население Таггарстана.

А вот зачем понадобился металлический паук, охотящийся на крыс, Кастор понять не мог, потому что все необходимое для запугивания населения в зале уже присутствовало – четыре аколита-воина с тяжелым, прерывистым дыханием, непостижимым взглядом и торчащими из черепа бараньими рогами.

Змиерубы-новобранцы поначалу возмущались, что им приходится исполнять приказы тощего безумного старика. По их мнению, Вергуну следовало убить Варда и захватить армаду неболётов. По правде сказать, в начале войны некоторые амбициозные офицеры уже предпринимали такие попытки, но были мгновенно разорваны в клочья. Поэтому при первых же признаках недовольства бойцов Кастор всегда говорил им одно и то же: «Как только вы найдете способ расправиться с четырьмя аколитами, то спокойно занимайте имперский престол. А пока этого не случилось, заткнитесь и выполняйте свою работу».

Кастор шел по залу следом за Вергуном. Пахло паленым волосом и жженой резиной.

– О, а вот и наше славное командование отряда Змиерубов, – сказал Вард, не вставая из-за огромного прямоугольного стола, заваленного окровавленными инструментами и драконьими костями. – Мы вас заждались.

На имперском совете присутствовали самые разные люди. Здесь был десяток инженеров с перемазанными сажей щеками и в камзолах белой драконьей кожи, таких же как у Варда. Судя по всему, Озирис переманил их из баларских лабораторий, плавилен и фабрик, пообещав дать возможность ознакомиться с его невероятными изобретениями. Инженеры негромко обсуждали какие-то схемы и сложные чертежи, встревоженно указывая то на один, то на другой участок.

В дальнем конце стола сидел Децимар, командир баларских лучников. Поначалу Кастор относился к ним пренебрежительно, потому что они почти никогда не высаживались со Змиерубами в джунгли, а целыми днями прохлаждались в относительной роскоши неболётов. Однако он резко изменил свое мнение после того, как увидел лучников в деле. В ходе операции по уничтожению рисовых полей (для этого с неболёта разбрасывали соль) на открытой местности заметили отряд воинов-ягуаров – около шестидесяти человек. Лучники Децимара выпустили три залпа и отправили всех врагов в последнее плавание.

Ни один из лучников не промазал. Ни разу. Все стрелы попали в цель.

У стены, скрестив руки на груди, стоял Гаррет по прозвищу Палач, сероглазый убийца, исполнявший персональные распоряжения Озириса Варда. Кастор не понимал, зачем Гаррет присутствует на каждом заседании имперского совета, ведь убийца никогда не произносил ни слова. Впрочем, он не вмешивался в чужие дела, а потому не особо беспокоил Кастора.

И наконец, папирийская вдова Вира.

Она сидела на подоконнике, подальше от остальных – ко всеобщему облегчению, как полагал Кастор. Виру боялись все, потому что вместе с Гарретом она путешествовала по всей Терре, запугивая, пытая и убивая тех баронов, губернаторов или генералов, которые осмеливались выражать малейшее недовольство Озирисом Вардом и его методами правления. Все присутствующие хорошо знали, что любому, кому придут в голову подобные мысли, грозит клинок Виры в ночи.

– Что ж, начнем. – Озирис взял со стола драконью кость со встроенным в нее храповиком и рассеянно покрутил колесико, будто пытался вспомнить, для чего оно. – Командир Вергун, как продвигается наша специальная военная операция в джунглях?

Вергун цыкнул зубом и сплюнул.

– В прошлом месяце мы совершили десять высадок десанта. Восемь отрядов, усиленные аколитами, не обнаружили противника, только глиняных истуканов. Один отряд угодил в драконье логово, и драконы сожрали всех до единого. В моем отряде не было аколита, но нам довелось вступить в бой.

– Докладывай.

– Мы начали переправляться через реку, когда нас атаковали с обеих сторон. Я уничтожил ближайшие вражеские подразделения и направился на помощь остальным. Отряд удалось сохранить, но мы понесли тяжелые потери. Сорок человек погибли, вдвое больше получили ранения.

– А какие потери у противника?

– Они унесли трупы своих бойцов, зная, что Змиерубы получают особое вознаграждение за каждую доставленную маску врага.

– Примерно сколько трупов?

Вергун негромко выругался и покосился на Кастора, мол, выручай.

Кастор пожал плечами:

– Двадцать или около того.

– Двадцать... – повторил Вард.

– Примерно.

Вард уставился на Вергуна:

– Ты потерял в два раза больше бойцов, чем противник. Почему ты провалил высадку? Впрочем, не будем сейчас говорить о конкретной засаде на речной переправе. В общем, почему, хотя я предоставил тебе все необходимые ресурсы, которых, кстати говоря, не существовало, пока я их не создал, а также несмотря на численное преимущество личного состава, несмотря на преимущество в вооруженной силе и в снабжении, все, чего ты добился за последние полгода, – это затяжное противостояние?

Вергун вскочил:

– Плевал я на твое снабжение! Ты не военный, Вард. Ты не тактик и не стратег. Ты просто безумный старик в башне, полной механических игрушек.

– Но ты военный. Ты тактик и стратег. Объясни мне, почему ты не добился победы в этой войне. Воинство Ягуаров лишает нас возможности добывать сырье, жизненно необходимое для моей работы, что существенно задерживает ход моих исследований.

Валлен чуть не лопнул от злости. Кастор сообразил, что, кроме него самого, отвечать было некому.

Кашлянув, он сказал:

– Мы делаем все возможное, чтобы уничтожить противника на его территории, но и Воинство Ягуаров делает все возможное, чтобы нас остановить. Да, небольшие высаживают наших бойцов в джунгли, но как только мы попадаем в чащу, то лишаемся всех преимуществ. Если честно, воины Дайновой Пущи – лучшие бойцы во всей Терре. Особенно когда они сражаются на своей территории.

– Разъясни, – потребовал Вард.

– Воины-ягуары прекрасно маскируются, они могут спрятаться в шаге от тропы, а Змиерубы пройдут мимо и ничего не заметят. Противник атакует стремительно и почти всегда наносит удар по нашему самому слабому месту, но по исключительно важным целям, и так же стремительно отступает, не давая возможности контратаковать. Насколько нам известно, у них нет централизованного командования, они избегают общепринятых маневров. Каждый отряд противника действует самостоятельно, исходя из сложившейся ситуации. Они постоянно меняют способы ведения боевых действий, никогда не повторяются. В начале войны мы с легкостью захватили поселки на севере Дайновой пущи, но противник уничтожил все наши подразделения, оставленные их охранять. Мы не в состоянии удержать захваченные нами территории, а в последнее время и вовсе не встречаем населенных пунктов. Такое ощущение, что все местные жители просто... исчезли. Мои люди считают, что они переселились в кроны деревьев, но надежных свидетельств этому у нас нет. – Кастор умолк, сообразив, что отклонился от темы. – В целом с тактической точки зрения все это весьма затруднительно.

– А почему я ничего не слышу о том, как мои аколиты помогают вам получить тактическое преимущество, с твоей точки зрения, Кастор?

Кастор примирительно вскинул руки:

– Аколиты – несомненно ценное оружие. Особенно теперь, благодаря твоим усовершенствованиям, их позвоночники больше не разрушаются. Но воины-ягуары избегают вступать в схватки с аколитами. Вдобавок мы иногда несем потери – вот, например, отряд лейтенанта Дролла. – Он замялся, не зная, стоит ли продолжать. – А еще говорят, что в Воинстве Ягуаров появилась колдунья. Якобы это Эшлин Мальграв.

– Эшлин Мальграв убита, – сказал Озирис. – А колдовства не существует.

– Тогда кто же уничтожает аколитов?

– Как сообщил мне боец Ригар, единственный оставшийся в живых из отряда лейтенанта Дролла, это делают Сайлас Бершад и какой-то дремучий скожит в прототипе устаревших доспехов моей конструкции.

– А я думал, Бершад убит, – удивленно протянул Кастор.

– Покамест нет. Но я исправлю этот недосмотр. Удвойте премии за убитых воинов-ягуаров. И объявите о специальной премии за головы Сайласа Бершада и его друга-скожита. По десять тысяч золотых за каждого.

– Должно сработать, – сказал Кастор.

– Я очень на это надеюсь. Вы не представляете, какие ценные материалы требуются для создания аколитов. Их уничтожения ни в коем случае нельзя допускать.

– Может, проще выжечь бомбами все джунгли? – неосмотрительно спросил Кастор и под взглядом Озириса тут же пожалел об этом.

– Хороший вопрос, Кастор, – произнес Вард, явно имея в виду противоположное. – Мы не выжигаем джунгли Дайновой пуши потому, что там сосредоточены самые ценные ресурсы Терры. Если уничтожить джунгли, то пропадут и ресурсы.

– А что ты делаешь с этими ресурсами? – спросила Вира.

Она заговорила впервые за все совещание, выговаривая баларские слова с мягким папирским акцентом. Несмотря на грозный вид Виры, манера ее речи словно бы успокаивала.

– В каком смысле? – недоуменно произнес Озирис.

– Мы воюем за то, чтобы сохранить и добыть эти ценные ресурсы, которые ты копишь в Башне Короля. Чем ты там занимаешься?

Озирис улыбнулся:

– Тем же, чем и всегда. Пытаюсь создать совершенный мир.

Вира недовольно уставилась на него, понимая, как и все присутствующие, что, пока Варда охраняют его аколиты, никаких дополнительных сведений из него не вытянешь.

А аколиты охраняли его всегда.

– Может, расскажешь нам о своих приключениях на дальнем берегу Моря Душ? – спросил Вард. – Ты ведь там надолго задержалась.

Вира вздохнула и снова начала говорить с мелодичными интонациями:

– Губернатор листирийской провинции Кушель-Кин действительно готовил мятеж, пришлось устранить его и еще троих заговорщиков. На южной окраине Листирии одно из местных племен захватило имперский гарнизон. Я одержала победу над вождем племени в честном единоборстве, и в итоге он и его подданные присягнули в верности императрице Каире на все времена. Пять бурз-аль-дунских министров замечены в попытках сокрытия доходов, но после ночных бесед со мной образумились и больше такого не допустят. – Она помолчала. – И наконец, граф Аргельский, осознав свою ошибку, прибыл сегодня утром из Галамара вместе со всем своим войском.

Кастор никогда не слышал, чтобы Вира так много говорила. От ее умиротворяющего голоса кружилась голова.

– Вот это, Вергун, и называется «доклад об успешно выполненном задании». Хотелось бы получить такой же от командира Змиерубов, – сказал Озирис.

– Убивать дикарей и запугивать продажных чиновников не составляет особого труда, – ответил Вергун, злобно зыркнув на Виру. – Давай лучше слетаем с тобой в джунгли, проверим твою отвагу, вдова.

Вира посмотрела на него, не говоря ни слова.

Затем Озирис обратился к Децимару:

– Докладывай, лейтенант.

Лучник вытянулся по стойке смирно:

– В Галамаре мои люди, распределившись по трем неболётам, успешно провели зачистку южного побережья и обстреляли пять фрегатов, шедших из Данфара в Альмиру по одному из пиратских маршрутов.

– Все уничтожены?

Децимар облизнул губы:

– Почти. Одному удалось улизнуть в туман.

– Жаль.

– Да, конечно, – сказал Децимар. – Но мы лишили их доступа к снабжению. С учетом уничтоженных нами ферм и полей, у противника почти не осталось продовольствия.

– А сколько у них осталось? – внезапно спросил Гаррет, который до этого хранил молчание на каждом имперском совете.

Странно, подумал Кастор, что убийца заинтересовался вопросами снабжения Воинства Ягуаров.

– Гм, точно не знаю, – ответил Децимар, удивленный обращением Гаррета. – Однако же ясно, что противник испытывает острую нехватку провизии, потому что с риском для жизни выходит в поля, за которыми мы ведем постоянное наблюдение.

Гаррет кивнул и умолк.

– Не понимаю, откуда этим мерзавцам известны методы морских пиратов, – сказал один из инженеров. – Они же дикари, всю жизнь провели в джунглях.

– По слухам, им помогают пираты с острова Призрачных Мотыльков, – пояснил Децимар.

– Остров Призрачных Мотыльков – это миф, – заметил другой инженер.

– Нет. У меня в Бурз-аль-дуне был приятель, старый мореход, он рассказывал, что...

– Заткнитесь! – оборвал их Вард. – Лейтенант, отправьте два неболёта в Данфар.

– В Данфар? Зачем?

– Данфарцы помогают Воинству Ягуаров, а значит, их следует примерно наказать. Разбомбите три поселения.

– Но мы же не знаем, какие именно поселения помогают альмирцам.

– Это не важно. Выберите три поселения и сотрите их с лица Терры вместе с жителями. А всем остальным будет наука на будущее.

Децимар сглотнул.

– Будет исполнено.

– Вот и славно. После этого возвращайтесь и продолжайте охранять северную оконечность Дайновой пуши. Недавно там произошел ряд нападений на каучуковые плантации, пострадала добыча каучука.

Децимар почесал в затылке.

– Будет исполнено. Только нам непонятно, в чем важность этих дурацких каучуковых деревьев.

С самого начала войны Озирис отправлял работников на плантации в Дайновой пуше. Они тоже постоянно подвергались нападениям, а вдобавок лазутчики противника ухитрялись вместе с караванами, везущими сырье, перебираться на противоположный берег Горгоны. К сожалению, безупречной защитной системы не существовало, невзирая на баларские пропуска.

– Что-что? – рассеянно переспросил Вард, разглядывая драконьи кости на столе. – А, каучук необходим для изготовления уплотнительных колец.

– Для изготовления уплотнительных колец? – повторил Децимар. – Это ради них мы пытаемся завоевать Дайновую пушу? Ради колец?

– И ради колец тоже. – Озирис обернулся к инженерам. – А вы, мои славные творцы, что хорошего скажете?

Баларин по имени Неббин, фактический начальник команды инженеров, подался вперед. У него были коротко стриженные снежно-белые волосы и глаза цвета воробьиного яйца. С виду он был мямлей и хлюпиком, но за свое место держался крепко и жестко отстаивал свои интересы.

Инженеры изо всех сил старались развивать безумные проекты Варда: записывали на клочках бумаги новые формулы, работали круглосуточно, при необходимости быстро чинили

поломки новой техники. А еще они подтасовывали результаты, безбожно лгали, приписывали себе чужие заслуги и издевались над чужими промахами. Неббин выбился в начальники лишь потому, что лучше остальных умел подставлять коллег под удар и предавать их. Кастор точно знал, что Неббин не только умышленно повреждал чужие разработки, но и нанял двух убийц-Змиерубов, чтобы устранить одного из своих соперников.

Озирис либо не знал о поступках Неббина, либо они его нисколько не беспокоили.

– Мы собрали урожай еще в двух логовищах, – гнусаво начал инженер. – В обоих добыты образцы среднего качества, их уже доставили на верхний этаж для обработки.

По лицу Варда было ясно, что результатом он не особо доволен.

– Да, к сожалению, работа идет медленнее, чем хотелось бы, – настороженно признал Неббин. – Может быть, имеет смысл попытаться проникнуть в одно из логовищ Сердечника? Отправить туда неболёт, добыть высококачественные образцы, и дело пойдет на лад.

– Нет, – отмахнулся Вард. – Драконы Сердечника уничтожили слишком много наших неболётов. Кстати, я еще не получил подробного доклада о крушении летучего корабля «Вечность».

Неббин кивнул:

– Наши неболёты уже две недели патрулируют границы тринадцатого сектора, чтобы улучшить момент и спасти груз. Увы, огромные стаи дуболомов пока не позволяют этого сделать.

– А место крушения не разорено? – спросил Вард.

– Нет. Мы полагаем, что во время крушения был поврежден генератор, который теперь испускает какой-то сигнал, не позволяющий ящерам приближаться.

– Вполне возможно. Интересная теория, – буркнул Озирис Вард и надолго умолк, очевидно размышляя о загадочной природе этого явления.

Неббин откашлялся:

– Мы, конечно же, продолжим патрулировать...

– Нет, не стоит, – оборвал его Вард. – Мы и так потратили слишком много топлива. Будем считать, что «Вечность» спасению не подлежит. Отправьте в армию все продовольствие, предназначенное для колоний.

– На борту «Вечности» был самый большой груз продовольствия за последнее время. Если мы попытаемся восполнить его утрату за счет поставок в колонии, то, даже несмотря на присутствие в городах аколитов, резко возрастет угроза мятежей и бунтов, тех самых, которых мы... – Неббин покосился на Виру, – очень стараемся не допустить.

Озирис задумался.

– В таком случае остановите поставки продовольствия в какие-нибудь четыре города. Предпочтительно в те, которые уже страдают от недостатка провизии. Ослабевшее население не станет бунтовать, а просто тихо вымрет от голода. Рекомендую начать с самого очевидного выбора – с трущоб Бурз-аль-дуна, а остальные три города – на ваше усмотрение. И не медлите.

– Будет исполнено, господин Вард.

Неббин обернулся к инженерам, которые стали наперебой предлагать подходящие, по их мнению, города, рассматривая порученное как математическую головоломку, а не как безжалостный приказ об уничтожении ни в чем не повинных людей.

Вергун снова цыкнул зубом. Озирис взял со стола какой-то инструмент и начал его разглядывать. Кастор напрягся. В зале что-то было не так.

Хореллианских гвардейцев обучают замечать малейшие изменения в окружающей обстановке. Можно в совершенстве владеть клинком, луком или любым другим оружием, быть лучшим в рукопашном бою, но если не будешь находиться в постоянной готовности к нападению, то не сможешь никого защитить. А любое изменение – это сигнал тревоги. Например, человек в толпе, который долго стоял неподвижно, а потом вдруг сдвинулся с места. Еле заметный сквознячок в помещении, где закрыты все окна и двери. Дрогнувшая дверная ручка. Если

умеешь замечать эти сигналы, то чувствуешь любое изменение, прежде чем сообразишь, что именно изменилось. Вот и сейчас Кастор не сразу понял, что же его насторожило.

А все дело было в том, что Вира чуть шевельнулась. Немного напряглась. То и дело переводила возмущенный взгляд с Озириса Варда на инженеров. На миг Кастору показалось, что она вот-вот бросится на Варда. Неужели придется вмешаться?

Пока Кастор обдумывал, как ему поступить, Вира выпрямилась и медленно спустила ноги с подоконника.

– Ты хочешь, чтобы тысячи людей умерли от голода?

– Иногда следует отрубить палец, чтобы не потерять руку, – заявил Озирис, указывая на четырехпалую руку Виры с отсутствующим мизинцем. – Тебе же это хорошо известно.

Ходило много самых разных слухов о том, как Вира потеряла палец. Кто говорил, что его откусил Змиеруб в пьяной драке, а Вира в ответ вытащила ему кишки через рот; кто утверждал, что она его сама себе откусила, чтобы запугать какого-то губернатора.

Кастор не верил ни тем ни другим.

– Расстаться с пальцем следует лишь в том случае, когда нет другого выбора, – сказала Вира.

– А у нас и нет другого выбора. Добраться до «Вечности» не представляется возможным, а мятежей допускать нельзя, потому что идет война с Дайновой Пущей. Аколиты со всем не справятся, – заявил Озирис и вернулся к разглядыванию драконьих костей.

Инженеры продолжали переговариваться.

Вира подошла к Децимару и что-то прошептала ему на ухо. Лучник отшатнулся и помотал головой – ему явно не понравилось предложение. Они еще немного пошептались, и наконец Децимар сокрушенно кивнул. Вира отступила от стола.

– Оставьте карты в покое, – велела она инженерам.

Они испуганно притихли, хотя подчинялись не ей, а Озирису.

– В чем дело, Вира? – спросил он.

– Не лишай городов продовольствия, – сказала она. – Я спасу груз «Вечности».

Озирис презрительно фыркнул:

– И как ты намерена совершить такой подвиг?

– Мы с Децимаром полетим на «Синем воробье» к месту крушения.

Озирис удивленно вскинул брови:

– Ты серьезно?

– Да. Возьмем большие подъемные сети, загрузим их продовольствием и доставим его сначала войскам, а потом – в трущобы Бурз-аль-дуна.

– Ох, дались тебе эти трущобы! – буркнул Неббин.

Вира зыркнула на него, и лицо инженера оплыло, будто кусок растопленного масла.

– Мы пытаемся сохранить империю Каиры и управлять ею согласно желаниям императрицы, верно? – спросила она.

– Да-да, конечно.

– Каира никогда не стала бы морить голодом целые города, чтобы избежать угрозы мятежей, – заявила Вира и, помолчав, добавила: – Но я понимаю, мы ведем войну. Поэтому я лично займусь спасением продовольствия. Мне нет смысла сидеть у постели Каиры и ждать, когда она исцелится, – с чувством произнесла она. – Лучше я, невзирая на все риски и опасности, совершу такой поступок, который не опозорит ее честь.

Судя по всему, вдова Вира, суровая и прагматичная, действительно питала сильные чувства к императрице. Может быть, ей удастся спасти груз продовольствия, но, скорее всего, ее и «Синего воробья» раздерут в клочья полчища дуболомов.

– Я не смогу выделить тебе аколитов, – предупредил Озирис, не желая отправлять серокожих монстров на заведомо самоубийственную миссию.

– Я и без них обойдусь, – сказала Вира. – Мне нужен только «Синий воробей» и лучники Децимара.

Озирис махнул рукой:

– Хорошо, пусть будет по-твоему. Я распоряжусь, чтобы неболёт императрицы заправили и загрузили на него все необходимое оборудование.

– Договорились.

Вира стремительно вышла из зала. Децимар последовал за ней. Двери захлопнулись. Воцарилось молчание.

– Уф, наконец-то мы избавились от папирийской сучки, – заявил Неббин.

Инженеры захохотали. Командир Вергун тоже.

Кастор задумался. Что-то было не так. С чего бы вдове принимать такое странное решение? И кстати, ни Гаррет, ни Озирис не смеялись.

Вард подался вперед:

– Кастор, разыщи, пожалуйста, нашего новоприбывшего галамарского графа и приведи его сюда.

– Гарвина?

– Да. У меня для него есть поручение.

Гарвин выслушал поручение Озириса Варда и побагровел от возмущения.

– Ты шутишь? – прошипел он.

– Отнюдь нет.

Гарвин до боли сжал рукоять меча, но замер, вспомнив об аколите, который стоял в полшаге от него.

– Нас же сожрут дуболомы!

– Вполне возможно. Но мне бы очень хотелось, чтобы кто-то присматривал за Вирой на борту «Синего воробья».

– Сначала ты отправляешь ее меня запугивать, а теперь заставляешь меня стать соглашаемым?

– Совершенно верно.

Гарвин затрясся от злости:

– По-твоему, я перевез все свое войско через Море Душ лишь для того, чтобы ты отправил нас на верную смерть? Я предпочел бы умереть в своей постели.

Озирис поджал губы:

– Да-да, мне понятны твои опасения.

Он снова рассеянно затеребил сальную бородавку.

– Значит, ты нас никуда не отправишь? – спросил Гарвин.

– Отправлю, конечно. А если ты не согласишься или станешь отлынивать от исполнения моих поручений, я убью тебя, всех твоих воинов и всех жителей Аргеля. Кстати, по-моему, нам предоставляется прекрасная возможность провести важный эксперимент. Если по чистой случайности генератор упавшего корабля отпугивает драконов, то, наверное, этот эффект можно воспроизвести.

– С помощью резонансного генератора? – уточнил Неббин.

– Именно так.

– Вы о чем? – недоуменно спросил Гарвин.

– Некогда объяснять. – Озирис встал из-за стола. – Я сейчас же приступлю к созданию прототипа, и аколиты установят его на «Синем воробье».

Озирис вышел из зала и скрылся на лестнице, ведущей в лаборатории верхнего этажа. Все остальные тоже начали расходиться. Кастор двинулся к дверям, но Гарвин взял его под локоть:

– Ты же хореллианский гвардеец?

– Бывший.

Гарвин хмыкнул.

– А что, Вард всегда такой борзый?

– Да.

– Охренеть. – Гарвин покачал головой. – Я сюда приехал только потому, что иначе меня бы убили. А ты почему здесь?

Кастор пожал плечами:

– Потому что мне здесь платят.

– Тебя заботят только деньги?

В начале своей службы Кастора заботило только разрушение Баларской империи. В свое время с его помощью поганые шестереночники уничтожали другие государства, а теперь пришло время, когда балары ощутят все эти ужасы на своей шкуре. Главная проблема заключалась в том, что род Домицианов прервался, Актус Шип погиб, а империя, созданная Озирисом Вардом, была ничем не лучше. Любому здравомыслящему человеку было ясно, что стало только хуже.

Поэтому Кастора больше ничего не волновало. Он будет нести службу, получать свое жалованье, а когда накопит достаточно денег, то купит себе небольшой островок и начнет жить в свое удовольствие.

Но рассказывать все это Гарвину он не собирался. Да и вообще, Гарвин, считай, уже труп.

Поэтому Кастор просто улыбнулся и хлопнул его по плечу:

– Счастливой дороги, граф!

10. Вира

Замок Мальграв, 40-й этаж

– Вира, может, ты все-таки передумаешь? – спросил Децимар, спускаясь следом за Вирой по винтовой лестнице Башни Короля. – Если мы полетим в тот сектор джунглей, то закончим свою жизнь драконьим дерьмом.

– Успокойся, Децимар. «Синий воробей» не полетит в Дайновую пушу. Тем более в тринадцатый сектор.

– А куда же мы полетим?

– В Паргос.

– Снова в Паргос? Зачем?

Вира посмотрела на него:

– Затем. Готовь своих людей. Поверь, я знаю, что делаю.

– А, ну ладно. – Он помедлил на лестничной площадке. – Ты где будешь?

– Мне надо собраться.

– Кстати, прими душ, – посоветовал Децимар. – Не сочти за оскорбление, но от тебя ощутимо пованивает.

– Мне некогда, – сказала Вира, сбегаая по лестнице.

– А ты быстро! – крикнул ей вслед Децимар.

Она оставила его без ответа.

Первым делом Вира отправилась в оружейную, пополнить запасы пуль для пращи. Как ни противно, пришлось признать, что Варду удалось сделать идеальные шарики, которые летели быстрее и ровнее, чем пульки ручной отливки.

На точильном камне Вира выправила оба своих кинжала и старый меч Бершада. По правде сказать, клинки не требовали заточки, но Вира не хотела покидать Незатопимую Гавань, не исполнив привычный ритуал подготовки к выходу на задание.

После этого она пошла на кухню, где у окна остывали буханки свежеевыпеченного хлеба, а в котле на плите томилось жаркое. Вира разломила хлеб пополам и стала есть жаркое прямо из котла.

В кухню заглянул повар.

– Эй, ты что себе позво... – воскликнул он и тут же осекся, увидев, к кому обращается. – Прошу прощения, госпожа. – Он почтительно склонил голову. – Может, вам маслица или еще чего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.